

Эмоции в розницу

Автор:

Юлия Волшебная

Эмоции в розницу

Юлия Волшебная

RED. Фантастика

Отсутствие у людей эмоций – великий дар эволюции, залог личной эффективности. В Объединенном Евразийском Государстве об этом знает даже школьник. Поэтому алекситимик, как и большинство в этом мире, Миранда Грин была даже счастлива своему диагнозу, с которым она приобрела все необходимые для жизни права. Ровно до тех пор, пока не познакомилась с Продавцом эмоций. Как можно торговать эмоциями?? – спросите вы. Ответ – в розницу! Бесправные «не-граждане» эмпаты научились продавать запретный плод, такой сладкий, что от него можно потерять голову. Но Мира преследует свои корыстные цели – она хочет прорваться на вершину человеческого рейтинга, для чего ей нужно разобрать эмоции на обычный код. Но как же это странно – все люди одинаковые, но кто-то имеет эмоции, а кому-то приходится их покупать. Действительно ли алекситимия – общечеловеческий недуг, или все это чудовищный эксперимент? И чей же он?..

Комментарий Редакции: Новая и крайне интересная идея антиутопии. Что может быть более человеческим, чем эмоции? Что случится, если лишить человека этого стержня? Читайте в интереснейшей работе с остроумным названием «Эмоции в розницу»!

Юлия Волшебная

Эмоции в розницу

Пролог

Вплоть до этого момента план побега работал почти идеально.

Закинув сумку с немногочисленными вещами в пассажирскую капсулу, я глубоко вздохнула. Надеюсь в этот раз покинуть Центрополис надолго, если не навсегда.

Насколько надёжен автопилот доставшегося мне глайдера, я не знала. И не рискнула проверять – без колебаний взяла управление в собственные руки. Сначала пришлось покружить вдоль городских магистралей, чтобы приноровиться к непривычной скорости реакции машины на мои действия. Сенсоры, явно нуждавшиеся в ремонте, периодически подтормаживали, система балансировки плохо слушалась: корпус то и дело вело в сторону. Однако уже через час я приловчилась и уверенно направила глайдер к северному выезду из полиса.

Я рассчитывала проскочить КПП как обычно, за несколько секунд, и встроилась в ритмичный поток транспорта, который замедлялся на мгновение у контрольного рубежа, а затем уверенно покидал границы Центрополиса. Наконец, последний ехавший передо мной глайдер скрылся из виду. Я снизила скорость до требуемого предела, готовясь оставить город позади. Но в это время раздался пронзительный звуковой сигнал. Перед носом глайдера с приглушённым свистом опустилась заградительная мембрана, и из кабины наблюдения в мою сторону двинулось два офицера в чёрных глянцевых комбинезонах.

«Не успела», – мелькнула холодящая мысль. Как «Зорким» удалось так быстро меня выследить?

Один из привратников приблизился вплотную, и я, повинувшись правилам, дала бортовому компьютеру команду поднять дверцу. Сердце выбивало глухую чечётку.

Неужели всё закончится вот так?

Глава 1

«Мы создали цивилизацию „звёздных войн“ – с эмоциями каменного века, общественными институтами средневековья и технологиями, достойными богов».

(Эдвард Осборн Уилсон)

Если вы полностью контролируете свои эмоции, скорее всего, у вас их немного.

Например, мне вообще не приходится контролировать чувства. У меня их нет совсем.

Эмоциональная немота, алекситимия – в моём мире норма. Из разряда психологических отклонений она превратилась в самое желательное качество личности.

Я изучала историю прежней цивилизации и знаю, что до Великого смещения континентов и исчезновения большинства из них, было время, когда алекситимия считалась лишь неспособностью вербализировать свои чувства. Предполагалось, что алекситимики – или попросту алексы – испытывают полный спектр человеческих эмоций, только не способны их проявлять. Но через пару десятилетий выяснилось, что половине людей с врождённой алекситимией вообще недоступны чувства, кроме физических ощущений. Эмоциональная сфера алекситимиков по-настоящему нема. Раньше это считали патологией, эмоциональным параличом, который непременно нужно лечить. Существовали даже отдельные профессии – психолог, психотерапевт, психоаналитик. Эти специалисты как раз занимались изучением душевных переживаний и пытались лечить так называемые психические расстройства. Но подобные профессии давно устарели. Нет чувств – нет проблем. Зато есть нанороботы, прекрасно справляющиеся с неполадками в мозге оперативным путём.

С каждым годом эмоционально немых людей во всём мире становилось всё больше. В чём причина? Генетическая мутация, аномальные изменения мозга... Версий предлагалось много. Но по мере развития этого процесса общество заинтересовало другое. Выяснилось, что человек, не подверженный эмоциям, обладает более ясным аналитическим мышлением. Потенциальный уровень его

интеллекта выше, чем у эмпата. Он лучше сосредотачивается на работе, неконфликтен, да и вообще с ним меньше сложностей. А значит, алекситимики более эффективные и полезные члены социума. В середине двадцать первого века всемирно известный антрополог Ким Майру доказал: алекситимия – не что иное, как эволюционное преимущество, необходимое для выживания в мире будущего. Эмоции признали рудиментом.

Вскоре обнаружили и причину врождённой алекситимии – отсутствие нескольких волокон, связывающих определённые мозговые центры. И молодые родители стали добровольно соглашаться на нейрооперацию по лазерному удалению этих волокон у их детей. Ведь алекситимикам легче устроиться в жизни. Им больше платят, нанимают на самые престижные должности. И у них выше шансы на выгодный брачный контракт.

Выявить лишние связи в мозге помог случай. У одного высокопоставленного министра обнаружилась опухоль головного мозга. Её не могли излечить без оперативного вмешательства, но к тому времени это уже не представляло проблемы. Мультимодальная компьютерная навигация, эндоскоп и лазер удачно справлялись с подобными случаями. Ситуация, сложившаяся у министра, предполагала удаление опухоли вместе с крохотным участком близлежащих тканей мозга. Процедура прошла успешно, не были задеты ни речевые, ни двигательные функции. Но вслед за послеоперационным восстановлением с министром произошли некоторые изменения. А именно: полная и необратимая утрата чувств и эмоций. Событие вызвало резонанс, был проведён ряд многочисленных опытов с добровольцами. В результате учёным удалось максимально точно определить локализацию центров, ответственных за эмоции – и к нейрохирургам потекли реки клиентов.

Эмпатов – людей, по-прежнему умеющих чувствовать, и не желающих это исправлять, – становилось всё меньше. А после того как грянули глобальные катаклизмы, и мир изменил даже внешние очертания, они и вовсе стали изгоями. Им не оставалось места в новой модели общества, которое остро нуждалось в высокоэффективных и исключительно трудоспособных членах.

Полтора столетия назад территория этого участка суши принадлежала десяткам стран. Некоторые из них даже сохраняли этническую однородность, традиции и речь. Теперь же все мы – часть Единой нации и говорим на Едином языке.

Меня зовут Миранда Грин, и я – гражданка Объединённого Евразийского Государства. Единственного государства Земли.

Мне повезло, пожалуй. Моя алекситимия – врождённая, и операции в младенческом возрасте я избежала. Говорят, не всякий ребёнок способен после неё выжить.

На третий день после рождения родители отдали меня в интернат, где воспитываются дети-алексы до девяти лет. Лишь после этого ребёнок возвращается в биологическую семью и знакомится с родными. Так удобно для всех. Родителям не приходится подстраивать свой жизненный уклад под нужды младенца, а обществу выгодно централизованно воспитывать самых продуктивных его членов. Мы должны быть уверены, что ребёнок возвращался правильно и получил весь необходимый в современном мире набор знаний и навыков. Только так можно добиться успеха и благополучия для всей нынешней цивилизации.

Государственные интернаты обеспечивают детей всем необходимым с первых дней жизни. В девять лет алекситимики поступают в колледжи, и с этих пор обязанность по их содержанию переходит к родителям. К тринадцати годам, после успешного окончания колледжа, сын или дочь могут стать помощниками в семейном бизнесе или устроиться на государственное предприятие. В обоих случаях его зарплата перечисляется родителям в полном объёме. В шестнадцать лет гражданин ОЕГ обязан переехать в отдельное жильё и начать самостоятельную жизнь. Половина его доходов продолжает перечисляться на счёт родителей, пока гражданин не заключит брачный контракт со своим ровесником. С этого момента их имущество объединяется, а весь доход обоих участников контракта, остаётся во вновь созданной семье.

Многие алексы предпочли бы продолжать жить самостоятельно, ведь присутствие другого человека в доме доставляет значительные неудобства – постоянное нарушение личных границ. Но позволить себе достойную одинокую жизнь может не каждый. Заключение брачного контракта и рождение детей – это обязанность добропорядочного гражданина ОЕГ. Однако право на несемейный статус можно «выкупить». Одинокие граждане теряют половину своих доходов в пользу родителей до конца жизни последних. Кроме того, не вступившие в брак лишаются социального пакета, который иногда может превышать ежегодный заработок среднего гражданина. В него входят скидки на обязательные медицинские обследования, талоны на питание, льготы на аренду

государственного жилья и прочие привилегии. На каждого рождённого в семье ребёнка выделяется отдельный соцпакет.

У меня есть младшая сестра, Инга, которую я никогда не видела. Сестра родилась, пока я находилась в интернате. Когда же я поступила в колледж и переехала в дом родителей, Инга уже год как жила в ясельном отделении интерната. С моего шестнадцатилетия и переселения в отдельные апартаменты прошло восемь лет, и за эти годы я ни разу не навещала семью. Скорее всего, Инга теперь тоже живёт отдельно – ей самой уже должно быть шестнадцать, хотя я не знаю точной даты её рождения. Мы с матерью говорили о ней всего один раз и не затрагивали такие подробности.

Радость, привязанность, сочувствие или стыд – для любого алекса просто слова. Но порой у нас появляется иррациональное желание узнать их истинное значение на личном опыте. И такая возможность, как ни странно, есть. Правда, кратковременная. Здесь на помощь алексам приходят отбракованные обществом эмпаты: они охотно промышляют торговлей чувствами и эмоциями. Само собой, нелегально.

Никаких костюмов виртуальной или дополненной реальности. Эмпаты продают алексам эмоции, подключая клиента к своему мозгу с помощью пары электродов и запрещённой компьютерной программы. Её первый исходник был изъят и уничтожен Службами вместе со всем оборудованием, на котором она использовалась.

Я как раз заканчивала обучение в колледже, когда это произошло. Информацию широко не афишировали, но мой отец в тот период был сотрудником государственной киберполиции и входил в группу, руководившую операцией по обнаружению и изъятию оборудования и программного обеспечения, «вредящего обществу». От него я и узнала о само?й программе и её ликвидации. Отец лично отдавал приказ, и лица, связанные с торговлей эмоциями, понесли наказание. Отца тогда повысили на службе, и семье предоставили новые апартаменты – на два класса выше прежних.

Но позже программу написали заново, сами эмпаты, и с тех пор она держалась в строгой тайне. Я узнала об этом недавно, но уже нашла, как извлечь из неё пользу.

Всё началось с объявленного в конце зимы конкурса на разработку принципиально новой нейросети для восстановления и обслуживания разрушенных космических станций. Важным отличием компьютера, работающего на основе такой нейросети, должна быть способность взаимодействовать с другими машинами и сетями без посредничества человека. Роботы, которые будут чинить не только рабочие узлы станций на орбите, но и друг друга, не подвергая опасности человеческие жизни. О подготовке к подобному глобальному проекту шла речь последние лет десять. И неожиданно мне прислали предложение поучаствовать в конкурсе разработчиков по этому направлению. Разумеется, я подтвердила свою кандидатуру и уже начала искать способы подступиться к задаче. А через несколько дней мне попала информация о том, что загадочный скрипт по передаче чувств и эмоций по-прежнему существует.

Возможно, эмпаты не так глупы и неэффективны, как считалось ранее.

Я – IT-разработчик с десятилетним стажем, но ничего подобного этой программе мне до сих пор не удалось создать. Если понять принцип, на котором основывается работа программного кода, у меня появится возможность использовать его как исходник для создания искусственного интеллекта нового поколения. О, это был бы прорыв!

Вдобавок эти знания пригодились бы и в других моих разработках. Особенно сейчас, когда мне необходимо удержать, а то и повысить свои позиции в рейтинге лучших специалистов IT-сферы в ОЕГ.

Самый очевидный способ взломать загадочный исходный код – закрыть глаза на пару пунктов Закона и пройти путь покупателя эмоций. Так я решила изучить механизм изнутри.

Глава 2

На подготовку и сбор необходимой информации ушло меньше недели. День – на изучение общедоступных архивных отчётов Департамента безопасности ОЕГ десятилетней давности. День – на чтение анонимных форумов клиентов продавцов чувств. Мне требовалось как можно больше подробностей, поэтому

ещё день – на взлом личных переписок пользователей этих форумов. И двое суток – на то, чтобы обеспечить собственную безопасность.

Настала пора переходить к активной части: полевым исследованиям.

Контакты Грега я нашла в Даркнете. Выбрала самое незамысловатое объявление: «Нежность и отвращение. Только в розницу».

Я уже знала, что «в розницу» означает индивидуальную работу: продавец-клиент, один на один. В этом случае достигается наилучший эффект погружения в эмоциональную сферу. «Оптовики» же собирают десяток алексов, желающих подзарядиться эмоциями, и проводят групповые сеансы. Это гораздо дешевле, но и эффект снижен.

Услуги «розничника» доступны далеко не всякому, особенно на регулярной основе. Но мои гонорары позволяли. Во всей затее я видела только одну существенную сложность: убедительно изображать клиента, заинтересованного в получении эмоций, чтобы не насторожить продавца и не получить отказ. С другой стороны, насколько вообще алекс может быть заинтересованным в чём-либо? Главное – я плачу хорошие деньги.

Мы встретились поздним вечером в тускло освещённом подземном паркинге одной из многоэтажек «трущоб» за пределами внешнего городского кольца. Своеобразное гетто, резервация для эмпатов – груды обшарпанных и обветшалых бетонных домов, сохранившихся ещё от прошлой цивилизации.

– Мира? – коротко поинтересовался высокий мужчина, встретивший меня возле глайдера.

Я кивнула. В заявке на сеанс я указала сокращённый вариант своего имени.

Пару минут мы стояли молча друг напротив друга. Глаза продавца скрывались за тёмными очками – самыми обыкновенными, солнцезащитными, – но я понимала: он изучает меня. Я тоже сфокусировалась на его внешности. Плечистый. Рост примерно сто восемьдесят семь сантиметров, что на двадцать

два сантиметра выше моего. Возраст около тридцати. Короткая лазерная стрижка. Европеоидные черты. Нос и уши крупноваты, но в сочетании с высоким лбом общие пропорции лица выглядят уравновешенными. Многодневная щетина на щеках и подбородке контрастирует с короткой лазерной стрижкой. Серо-голубые штаны и болотно-зелёная футболка. Вся одежда из непрактичной натуральной ткани. Н-да. Алексы давно перешли на грязеотталкивающие синтетические материалы, не нуждающиеся в стирке и тщательном уходе, а эмбаты, как первобытные люди, по-прежнему используют шерсть животных и растительное волокно. На ногах – грубые примитивные ботинки, не снабжённые даже простой электронной шнуровкой. Сколько же времени своей жизни эти люди тратят только на то, чтобы обуться?

Я не успела додумать эту мысль: Грег протянул руку к моему левому запястью, чтобы проверить, нет ли на мне браслета. Но я знала правила: иметь при себе любые гаджеты во время сеанса алексам запрещено, поэтому оставила и браслет, и персональную компьютерную консоль в глайдере. И всё же обстоятельного досмотра избежать не удалось.

– Напоминаю: ты можешь задавать любые вопросы. Но на какие из них отвечать я решаю сам. Расспрашивать о принципе работы оборудования даже не пытайся, – голос тихий, низкий и ровный. Он говорил так, словно мы давние знакомые, которые просто в очередной раз встретились.

– Я запомню.

На мои глаза легла плотная кроваво-красная повязка:

– Меры безопасности, – услышала я, и Грег потянул меня за руку. Я чуть было не выдернула её машинально – мне физически неприятны прикосновения, особенно внезапные. Но сдержалась, зная, что эмбаты не церемонятся со строптивыми алексами. И быстро разрывают договор, если поведение клиента кажется им подозрительным. Находясь на чужой территории, я вынуждена была принимать чужие правила игры.

Грег, всё так же удерживая мою руку, завёл меня в дом. В нос ударил запах въевшейся сырости и затхлости – крыши и стены в старых многоэтажных домах эмбатов регулярно протекают. Мы петляли минут семь, поднимаясь и спускаясь по лестницам, проходя по длинным гулким коридорам, пару раз воспользовались

лифтом. Очевидно, Грег пытался путать след. Бесплезная затея: даже час покpужив по этажам с закрытыми глазами, я бы не забыла маршрут.

Наконец, щёлкнул замок. Меня перевели через порог и сняли повязку. В глазах резануло от яркого света внутри помещения, и в тот же миг нам навстречу выскочил большой лохматый зверь. Размашисто виляя хвостом, он сначала прыгнул на Грега, а потом зачем-то облизал и мои руки. Я дёрнулась, пряча их за спину. Да это же псина!

– Сидеть, Рик! – всё так же тихо и твёрдо проговорил Грег. Собака забурчала, однако послушалась хозяина.

Я замерла истуканом, впервые в жизни рассматривая вживую настоящего пса. Он оказался просто огромным – сантиметров восемьдесят в холке, с широкой грудной клеткой и мощными передними лапами. Рыжевато-коричневый окрас с чёрной «маской» на морде и сложенные пополам висячие уши делали его похожим то ли на медведя, то ли на льва. Увидеть зверя в человеческом жилье для меня было ново: домашних животных держат только эмпаты.

Ещё одно отличие общества эмпатов от нашего в том, что они с самого рождения остаются с родными. Вдобавок в таких семьях часто живут по несколько детей, которых воспитывают сами родители. Они отказываются отдавать детей в специализированные интернаты в младенчестве. Да и потом предпочитают домашнее образование или образовательные классы, куда дети приходят лишь на три-четыре часа в день.

Очередной признак нерациональности поведения этих людей. Эмпаты настолько привязаны друг к другу, своим родителям, детям и даже супругам, что считают благом проживать вместе на крохотной жилплощади, видеть друг друга каждый день и постоянно контактировать. Их модель мира устарела ещё сотню лет назад, а они всё не могут этого принять. Негибкое, неэффективное мышление.

Примерно так я думала в тот день, когда впервые встретила с Грегом. Так думают все алексы. Так нас научили думать.

Я не понимала, зачем эмпаты, лишённые государственной поддержки, вообще заводят детей. И почему их женщины отказываются от операции по извлечению плода, предпочитая рожать естественным путём и кормят своих новорожденных

детей грудью, словно дикие животные. Неужели все эти первобытные чувства способны настолько затмить разум человека – высшего создания на планете?

Сама я никогда не хотела уподобляться животным, и это было одной из причин, по которой я не стремилась заключить брачный контракт. Никакие государственные выплаты не заставят меня стать контейнером для вынашивания биоматериала. Больше чем на полгода отказаться от основной работы, переехав в спецучреждение для вынашивания плода? Позволить лазерному ножу разрезать мой живот для того, чтобы этот плод извлекли наружу? А потом пережить ещё одну операцию по удалению рубцов? Нет, всё это отнимает слишком много времени, которое я могу использовать гораздо продуктивнее.

Я всегда считала, что чем меньше людей на планете, тем спокойнее живётся каждому отдельному человеку. Незадолго до смещения континентов численность населения Земли достигала одиннадцать миллиардов человек. Но теперь, с учётом того, что из всех крупных континентов пригодной для жизни осталась лишь часть Евразии да несколько небольших островов, даже полтора оставшихся миллиарда человек – это слишком много.

Проведя меня в одну из комнатушек со старинным интерьером, Грег подсоединил к нашим головам электроды с длинными проводами. Они сходились в замысловатом приборе, похожем на портативный энцефалограф. Сам прибор он закрепил на запястье левой руки. К этому времени продавец уже снял тёмные очки, и я невольно задержала внимание на его стальных и при этом как будто прозрачных глазах. На миг показалось, что они светятся изнутри, сами собой.

– Что мы будем делать? – я первой решилась прервать обоюдное молчание.

– Лично я буду есть, – кратко ответил Грег, опять надевая на меня повязку.

Я вспомнила, что собиралась наблюдать процесс своими глазами, но меня лишили такой возможности.

– Зачем это?

– Когда светло, легче удерживать чувства на расстоянии. В темноте всё обрушивается на тебя, и ощущения становятся острее. А ведь именно это нам и нужно, так?

Я равнодушно пожала плечами, но тут же спохватилась:

– Да, конечно. Ощущения поострее. Это именно то, что нужно.

После этого Грег отвёл меня в другое помещение, вероятно, столовую. И действительно просто сел есть, подвинув тарелку и ко мне. Ему пришлось помогать мне донести первые три вилки с едой до рта, прежде чем я приловчилась есть вслепую самостоятельно. Обычная лапша с соусом и овощами. Но благодаря чёртовым проводам, я впервые ощутила предвкушение и блаженство. Так обозначил эти чувства Грег – мне же они отозвались внутренним покалыванием и полным мысленным растворением во вкусе еды. А ещё разочарование. Оттого, что добавки не будет...

Сеанс окончился внезапно.

– Так я и знал! – неожиданно резкий возглас продавца отозвался у меня в ушах звоном бьющегося стекла.

Да ладно. Я как-то выдала себя? Но когда? Мне казалось, за столом прошли считанные минуты, в течение которых я не произнесла ни слова.

– Вставай. Быстро! – Грег бесцеремонно тряхнул меня за плечи.

В следующие несколько секунд он спешно снял с меня электроды и вытолкнул в прихожую. Там он помог мне обуться и, снова петляя кругами, вывел обратно к паркингу где, наконец, позволил избавиться от повязки. Всё это время я безуспешно пыталась сообразить, что сделала не так, чем разозлила продавца, и почему он решил меня прогнать.

– Что-то случилось? – я уже сидела в водительской капсуле глайдера, откинув на кресло невероятно потяжелевшую голову.

– Ты начала отключаться. Опасно. Продолжим, когда отдохнёшь, – полупрозрачные глаза Грега в последний раз встретились с моими и скрылись за двойной преградой: тёмных стёкол его очков и графенового окна опустившейся двери глайдера.

Глава 3

Уже покинув паркинг, я поняла, что Грег был прав в своём решении не продолжать сеанс. Усталость, охватившая всё моё тело, оказалась такой всепоглощающей, что я даже не решилась управлять машиной, а сразу включила автопилот. Практически весь путь до дома я спала. Да, я могла полностью доверить управление глайдером бортовому компьютеру, ведь исходный код к автопилоту написала я сама.

Одна из особенностей алекситимиков – невозможность определить степень усталости своего организма, пока он внезапно не начнёт отключаться. Для большинства алексов есть лишь два крайних состояния: абсолютная бодрость или полное истощение, когда уже с трудом добираться до постели. С чувствами голода и насыщения такая же полярность. Никакие промежуточные состояния мы не отслеживаем, и это безусловный плюс к нашей работоспособности. Обычно проблем из-за этого не возникает. Главное – соблюдать распорядок дня: просыпаться, принимать пищу, ложиться спать в строго установленное время и следовать подсказкам персонального электронного менеджера.

Но в такие дни, как этот, налаженная система даёт сбой.

Судя по всему, активное проживание незнакомых чувств далось организму нелегко, и Грег раньше меня заметил, что мой процессор опасно перегружен. Я могла запросто потерять сознание прямо в его апартаментах. Вот и ещё одно доказательство вреда и бесполезности эмоций: они тянут на себя непозволительно много драгоценной энергии.

И всё-таки я решила продолжать. Меня предупреждали, что на эмоции можно подсесть, но я шла к продавцу чувств не за новой «дозой», а с профессиональными целями.

Да, алексам недоступны глубокие переживания, но большинство из нас склонны к определённым пристрастиям. Порой – чрезмерным. Это один из немногих багов жизни без эмоций, своего рода плата за превосходство во всём остальном. Если алекс однажды попробует наркотик или алкоголь и впоследствии будет иметь регулярный доступ к этому веществу, это почти безвозвратный путь к глубокой зависимости. И скорой смерти от сильнейшей интоксикации или передозировки. Наше общество прошло этот урок несколько десятилетий назад, когда из-за повальной смертности от токсических веществ начали вымирать целые города. Именно поэтому сейчас в ОЕГ действует закон, предусматривающий смертную казнь за изготовление и подпольную продажу любых наркотических веществ. Мне известно, что когда-то давно, задолго до рождения моих родителей наркотики применяли в мирных целях, в медицине – в качестве средств обезболивания. Но и в этой сфере потребность в них давно отпала благодаря изобретению нанороботов, запрограммированных на отключение центров боли внутри человеческого организма.

Часть алекситимиков так же, как от наркотиков, зависимы от секса. Поговаривают, проституция в среде эмпатов всё ещё процветает благодаря тому, что спрос на подобные услуги у некоторых мужчин-алексов по-прежнему высок. И с непонятной для меня избирательностью власть смотрит на эту ситуацию сквозь пальцы. Но если уж городского жителя официально уличат в сексуальной связи с эмпатом – не миновать такому горожанину трудового лагеря.

Так вот, лично моё пристрастие – моя, если хотите, страсть – наиболее безобидна. Сверх того – даже полезна обществу. Эта страсть – работа. И ради обретения новых знаний и опыта в своей профессиональной сфере, я готова на всё. Даже ненадолго преступить Закон. Цель оправдывает средства – мне всегда нравился этот девиз.

После той первой встречи с Грегом я всё-таки не удержалась и провела несколько экспериментов.

Здесь надо бы упомянуть ещё одну особенность нашего образа жизни. Поскольку у многих алексов притуплено чувство голода, то и обратная сторона у

этой медали тоже имеется: мы практически не ощущаем, когда пора остановиться во время приёма пищи. Чтобы избежать всевозможных негативных последствий переедания или, наоборот, систематического голодания, мы должны употреблять рассчитанную индивидуально для каждого алекситимика суточную норму пищи. Из-за этого бо́льшая часть из нас предпочитает использовать в качестве источника питательных веществ порционный витаминизированный протеин в виде порошка. Мы называем его обобщённым термином – «клеверфуд[1 - От англ. clever food – умная еда.]». Минимум финансовых и временны́х затрат: развёл один пакетик порошка водой – и свободен от заботы о пищевых потребностях организма. Главное – чётко знать свою суточную норму.

В интернате большинство из нас кормили исключительно клеверфудом. Но у меня ещё в раннем детстве обнаружилась непереносимость какого-то компонента этих коктейлей: организм с завидным постоянством возвращал содержимое желудка наружу после каждого приёма пищи, и тогда меня перевели на индивидуальную диету, состоящую из обычных продуктов. Таких, как я, в интернате было ещё человек двадцать, и все мы питались в отдельном помещении.

Итак, эксперимент.

Сначала я самостоятельно сварила лапшу и попробовала намеренно вызвать предвкушение грядущего обеда и наслаждение от его поедания. Ни то ни другое мне не удалось. Но чистота опыта оставалась сомнительной: лапша ведь была без овощей. Готовить овощные соусы я не умела, поэтому на другой день решила повторить эксперимент в кафе самообслуживания, где я обычно питаюсь. По моему запросу кулинарный автомат за пятнадцать минут приготовил мне порцию лапши с тушёными овощами. Но и в этот раз никаких особых ощущений меня не посетило.

Наконец, ещё через день я заказала макароны с овощами навынос. Придя домой, прежде чем начать обедать, я завязала себе глаза. Есть в таком виде без посторонней помощи – тот ещё квест. Мне приходилось помогать себе второй рукой, и всё равно часть ужина оказалась рассыпанной по столу, а ещё часть уютно устроилась на моём комбинезоне. И снова волшебства не произошло. Что же. Кажется, я сделала всё возможное, чтобы убедиться: чёртов секретный скрипт эмпагов работает безупречно, а без его посредничества я по-прежнему не способна приблизиться к миру чувств.

Я ловила себя на том, что часами обдумываю возможные принципы, на которых основан код программы, но всякий раз оказывалась в тупике. Я нуждалась в большем количестве исходных данных. Именно поэтому и написала Грегу во второй раз.

* * *

При встрече всё повторилось: досмотр, завязанные глаза, ступеньки-коридоры-лифты, лохматый стражник Рик.

Когда собака попыталась меня облизать, я, как и в предыдущий раз, машинально отдернула руку и спрятала её за спину. Физическое ощущение было крайне неприятным. Видимо, это отразилось на моём лице, потому что Грег, возившийся до того с «энцефалографом», решительно направился в нашу сторону.

Я думала, он прогонит собаку. Но вопреки ожиданиям, Грег нацепил на мою голову незнакомый обруч с металлическими пластинками в тех местах, где этот аксессуар касался висков.

– Это вместо проводных электродов. Сегодня будет так, – коротко проинформировал продавец.

Второй такой же обруч он надел на себя и принялся производить вместе с Риком непонятные мне действия. В этот раз Грег не стал закрывать мне глаза повязкой во время сеанса, и я могла внимательно наблюдать за его вознёй с собакой.

Сначала я не понимала, что вообще происходит и какова цель всего этого. Рик глухо рычал, а иногда высоко взвизгивал, прыгая на Грега. В такие мгновения я думала, пёс собирается его укусить или с силой ударить лапами, но Грег, вместо того, чтобы защищаться, широко улыбался и поощрял Рика. Он трепал жёсткую шерсть животного на загривке, почёсывал за ушами, поглаживал морду. Затем отпрыгивал от него, делал два шага в сторону, словно в попытке убежать, но внезапно разворачивался, принимая собаку в свои объятия. Через пару минут в руках Грега оказался резиновый мячик размером с яблоко. Бросок – и Рик опрометью мчится за ним в дальний угол комнаты и тут же приносит обратно в зубах. Но пёс не торопился отдавать игрушку, дразня хозяина – Грегу

приходилось с силой отнимать мячик у плотно сжатых зубов. И когда ему это, наконец, удавалось, Рик не кидался на хозяина в попытке отнять мяч, а покорно ждал, пока тот снова забросит его подальше. Порой Грег начинал громко хохотать, и, в конце концов, из-за воздействия обруча я и сама не смогла удержаться от улыбки. Широкой улыбки! Оказывается, оба они, вместе с псом испытывают...

- Радость и восторг, - подсказал мне Грег.

- Радость и восторг, - эхом повторила я. - Но отчего? Почему вы ощущаете радость от вашей нелепой борьбы? Вы соперничаете и испытываете друг друга на прочность, но при этом веселитесь? Почему?

- Мы не испытываем друг друга на прочность. И соперничества между нами нет. Мы взаимодействуем. Общаемся, играем. Рик радуется, что я уделяю ему внимание, он в восторге от возможности активно подвигаться, а я радуюсь оттого, что ему весело.

- Как можно радоваться тому, что радуется кто-то другой? - я действительно не понимала.

- Очень просто, - Грег улыбнулся. - Эмоции заразительны. В некотором смысле, это и есть эмпатия. Я проникаюсь чувствами другого живого существа настолько, что могу сам их испытать. Совсем как ты сейчас. Только мне для этого не нужны провода и приборы, - добавил он, снимая с меня обруч и глядя при этом прямо в глаза.

- И секретные программы, - добавила я, желая продемонстрировать Грегу, что до меня дошёл смысл его слов. Но он посмотрел на меня как-то странно и после некоторой заминки кивнул:

- Ну да. И программы.

Кажется, я сболтнула лишнего, насторожив продавца. Или же его взгляд означал что-то другое? Скорее всего, если бы обруч всё ещё был на мне, я бы поняла, что именно. Но строить пустые догадки мне не хотелось, а значит, стоило сменить тему разговора.

- Что теперь? Мы опять будем есть? – предположила я.

Губы Грега растянулись в улыбке:

- Да, это хорошая идея. Но тебе придётся подождать, пока я приготовлю ужин. Сколько пакетов клеверфуда ты сегодня уже употребила?

- Ни одного. У меня непереносимость клеверфуда. Я питаюсь обычной едой.

- Даже так? – Грег задумался, в упор рассматривая меня с ног до головы. – Удивила. Что ж, так даже лучше. Неужели и готовишь сама?

Я покачала головой:

- У меня нет на это времени. Покупаю еду из автоматов в кафе самообслуживания. Или заказываю доставку в апартаменты.

- И как?

Станный вопрос.

- И как – что?

- Тебе нравится?

Я пожала плечами:

- Меня устраивает. Экономит время, да и суточную норму калорий помогает соблюдать точно. Но сегодня я ещё не ужинала, – добавила я, предвосхищая следующий логичный вопрос.

Грег кивнул.

- Ты можешь осмотреться в моём логове, пока я буду занят. Или поиграть с Риком, если хочешь, – он скрылся в кухонной зоне, а Рик, услышав своё имя, встрепенулся и посмотрел на меня, будто в ожидании, что же я решу. Но мне на

сегодня хватило взаимодействия с животными. Я поняла, что действительно ещё не успела толком рассмотреть жильё Грега. А ведь быт эмпатов должен значительно отличаться от нашего. И, чёрт возьми, отличия оказались разительны.

Все эмпаты живут либо в замшелых бетонных многоэтажках, выстроенных по устаревшим технологиям, либо в одно-двухэтажных кирпичных домиках с собственным отдельным двором. Некоторым из этих построек уже больше столетия. Кроме того, они ездят на допотопных автомобилях, а кое-где – в повозках, запряжённых лошадьми. Ведь доступ к проживанию в пределах городских колец и возможность пользоваться современной техникой есть только у алексов.

Единственный способ для эмпата стать полноценным городским жителем и обладателем государственной поддержки – в буквальном смысле превратиться в алекситимика, пройдя соответствующую операцию на мозге. После этого новоиспечённому алексу выдаются личные апартаменты, расположенные в одном из небоскрёбов внешнего городского кольца. Все современные полисы, в отличие от тех, что проектировались до Великого смещения, построены по принципу концентрических кругов. Внешние круги – обитель бедняков среди горожан. Чем выше статус и успешность гражданина, тем ближе его апартаменты к центру города. А в самом центре находятся штаб-квартиры всех государственных Служб и административные здания-исполины – наиболее высокие в городе. Крупные промышленные зоны, а также трущобы и поселения эмпатов располагаются за пределами внешних городских колец.

Мои апартаменты находятся близко к центру – в пятом из двадцати шести колец Центрополиса, столицы ОЕГ. Но независимо от того, где располагается жилище алекса, оно в любом случае значительно превзойдёт дом эмпата по своей технологичности и практичности.

Технологии 3D-строительства с применением жидкого и биодинамического гранита, углеродного волокна и графена позволяют нам в кратчайшие сроки возводить сверхпрочные и надёжные энергосберегающие здания-смогопожиратели, которые вдобавок ко всем своим достоинствам ещё и очищают окружающую среду от загрязнений. О многих нюансах возведения современных зданий мне известно не понаслышке, ведь я создаю программное обеспечение и для строительных 3D-принтеров.

Но раньше я не задумывалась о том, насколько дома алексов и эмпатов отличаются внутри.

Апартаменты Грега оказались в четыре раза меньше по площади, чем мои. Я насчитала всего пять помещений – комнату гигиены, столовую, и ещё три небольших комнаты для разных нужд. Основное, что бросилось мне в глаза, когда я заглянула в ближайшее помещение – это огромная двуспальная кровать, стоящая посреди комнаты. Я и не предполагала, что такие ещё существуют и искренне считала этот предмет мебели пережитком: алексы всегда спят отдельно и не нуждаются в просторных кроватях.

Следующее, что я заметила – поначалу мельком и лишь впоследствии более подробно – это изобилие цветовых акцентов в интерьере квартиры Грега.

И в интернате, и в колледже, и в доме родителей, и в моих собственных апартаментах стены, пол и мебель всегда были выдержаны в однотонной серо-белой гамме. А у Грега по всей квартире в самых неожиданных местах были «разбросаны» разноцветные пятна: плетёные коврики под ногами, вязаный плед на диване в гостиной, горшки с живыми цветами на полках, ярко-жёлтый стул в прихожей. На стенах в каждой комнате у него висели непонятные изображения в застеклённых рамках. А на комод в спальне я обнаружила рамки с цветными фотокарточками, изображавшими неизвестных мне людей. Всё это не имело ничего общего с электроникой – изображения были изготовлены на бумажных носителях! Будто бы я попала в музей наследия древней цивилизации.

Но сильнее других помещений меня увлекла медиакомната. Домашняя лаунж-зона, как называл её сам Грег. Вдоль самой широкой её стены – огромный стеллаж, снизу доверху заполненный настоящими бумажными книгами. Красные, синие, тёмно-зелёные, ярко-оранжевые корешки создавали эффект неупорядоченного пёстрого безумия. Я провела рукой вдоль одного из рядов и достала книгу наугад. Это оказался увесистый сборник стихов каких-то древних поэтов. Фолиант отлично сохранился: хоть он и выглядел затёртым снаружи, на его грязно-жёлтых страницах хорошо просматривался печатный текст. Прежде я видела бумажные книги лишь пару раз, и то под стеклом, на специальном демонстрационном стенде – так в интернате и в колледже нас знакомили с предметами культуры и быта прошлых веков.

Раскрыв сборник на середине, я попробовала прочесть одно стихотворение... и не поняла ни строчки. Многими месяцами позже мне удалось разыскать этот

текст повторно:

Перенеся лишенья, ты станешь вольной птицей.

А капля станет перлом в жемчужнице-темнице.

Раздашь свое богатство – оно к тебе вернётся.

Коль чаша опустеет – тебе дадут напиться[2 - Омар Хайям, Рубаи.].

Конечно, мне было знакомо каждое слово в отдельности. Но всё вместе показалось полнейшей бессмыслицей, набором случайных выражений и словосочетаний.

– Чушь какая! – я захлопнула книгу и засунула её обратно на полку. – Неужели кому-то действительно хочется тратить на это своё время?

Кроме книжного стеллажа, в комнате находился небольшой деревянный столик, мягкое кресло и диван, обитые незнакомым для меня материалом – но явно не синтетическим волокном. Конечно, здесь не было и намёка на инновационные кинетические сидения, которые повсюду использовались в городах. Вся мебель эмпатов казалась безнадёжно старомодной и нетехнологичной. В дальнем углу, слева от большого окна, помещался ещё один стол, выше и шире первого. На нём стояла какая-то старинная аппаратура с расходящимися во все стороны от неё толстыми проводами, что тоже выглядело анахронизмом, ведь беспроводные технологии давно и прочно вошли в городской быт. Приборы, стоявшие у окна, показались смутно знакомыми: наверняка я видела их изображения в обучающих материалах по истории электронной техники, однако точно определить, что за артефакты передо мной, не могла. Единственная вещь, которую я смогла узнать – старинные динамики для выведения звука. Но для чего они здесь? Я придирчиво осматривала замысловатые приборы, пытаюсь понять, могут ли эмпааты использовать их для передачи чувств, и если да – то по какому принципу они работают?

– Это стереосистема, – услышала я за спиной тихий голос Грега, и, обернувшись, увидела, что он стоит, прислонившись к дверному проёму и скрестив руки на груди. Видимо, он уже давненько за мной наблюдал.

– Зачем она тебе?

– Слушать музыку.

Я не совсем понимала, что он имеет в виду. Конечно, я знала, что такое музыка, но до сих пор мне не приходилось слышать ничего длиннее десятисекундных электронных семплов, которые сопровождают работу различных приборов и программных оболочек.

– Зачем? И как это использовать?

В ответ Грег почему-то вздохнул:

– Тебе пока ещё рановато с этим знакомиться. Если наши совместные сеансы продолжатся, обещаю однажды показать. Но сначала я всё же должен отработать сегодняшний гонорар.

Грег расплёл скрещённые руки, и я заметила, что в одной из них он сжимает красную повязку.

– Ужин на столе, – с едва заметной улыбкой проговорил он, делая приглашающий жест.

Я кивнула и приблизилась к нему, чтобы опять покорно довериться темноте в ожидании новой порции неизведанных ощущений. К тому же, запах еды, доносившийся из столовой, уже кружил голову и заставлял ощущать требовательную пустоту в желудке.

В столовой Грег предложил мне для начала определить по запаху, какая именно еда стоит на столе.

Я безошибочно уловила запах рыбы, но не могла понять, какой гарнир её сопровождает. Как выяснилось, нас ждали рыбное филе с вареным картофелем и какая-то зелень – опять ничего принципиально нового, но чувство наслаждения было невероятно острым. И рыба, и картофель, оказываясь у меня во рту, будто сами собой расплавились на языке, оставляя нежное кремовое послевкусие. А салат из зелени, вкус которой я в принципе никогда не понимала и употребляла лишь изредка по настоянию электронного диетолога, в тот вечер показался мне наиболее уместным дополнением к основному блюду. Я поймала себя на том, что буквально «прислушиваюсь» к вкусу каждого ломтика или порции еды, которую отправляю в рот. У меня накопились десятки вопросов к моему продавцу чувств, но Грег не разрешил мне разговаривать во время еды:

– Некоторые чувства любят тишину, – как обычно, вполголоса, но твёрдо проговорил он. И добавил: – Особенно во время принятия пищи. Погрузись целиком в настоящий момент. Запоминай все возникающие ощущения, представь, будто чувствую не я, а ты сама. После ужина сможем обсудить всё это и многое другое. Я объясню тебе, что именно мы сейчас чувствуем и почему.

«Что именно Мы чувствуем», – несколько раз повторила я про себя.

Было что-то заговорщическое в этом «Мы». Нечто совершенно необычное для меня. Я вдруг поняла, что, возможно, ни разу не употребляла местоимение «мы» в том смысле, в котором это сделал Грег. Раньше это слово было для меня просто обобщением: «мы, алексы», «мы, интернатовцы», «мы, жители Центрополиса», «мы, программисты».

Но в «мы» Грега было нечто большее. В нём звучало «ты и я, вместе». Так, словно это «мы» пролегло между мной и мужчиной неким незримым связующим звеном, которое делало нас сообщниками, объединёнными одной тайной.

Когда наша совместная трапеза закончилась, Грег, наконец, разрешил мне задавать вопросы. Он терпеливо и обстоятельно отвечал на них, стараясь в подробностях описать разновидности своих... точнее, наших ощущений. Объяснял, что для того, чтобы отличать их, человек должен хорошо изучить самого себя.

– Что ты имеешь в виду? Что значит изучить себя? – допытывалась я. – Понимать, как выглядят и как работают внутренние органы? Или мозг? Но я изучала анатомию ещё в интернате, а в колледже мы проходили краткий курс нейрофизиологии, и я прекрасно себе представляю, как устроен человек.

Но Грег сухо засмеялся в ответ:

– В этом и беда всех алексов: вы фокусируетесь исключительно на физиологии. Но человек – нечто большее, чем набор мышц, костей и нервных волокон.

– У алексов нет никакой беды, – парировала я. – Это не мы отверженная часть общества. И различия в уровне жизни алексов и эмпатов говорят сами за себя!

Мне хотелось ещё много всего наговорить Грегу в тот вечер, но когда он решительно снял с моих глаз повязку и убрал своё секретное оборудование, разум мгновенно просигнализировал, что пора остановиться. Зачем подвергать себя риску и нарываться на агрессию? Кто знает, чего ожидать от обиженного эмпата – эти люди совершенно непредсказуемы. Поэтому я быстро сменила тему, зацепившись взглядом за предметы, окружавшие меня.

– А что за изображения висят у тебя на стенах в рамочках? Для чего они нужны, если их вид не меняется и с ними в принципе ничего не происходит, пока ты на них смотришь?

– Изменения не всегда должны происходить во внешнем мире, – ответил Грег. – Внутренние перемены, происходящие в самом наблюдателе, порой гораздо важнее.

Я опять не поняла, о чём он говорит, а Грег тем временем продолжал:

– Все эти изображения – картины, написанные от руки.

– Тобой?

Грег помедлил с ответом.

– Некоторые – мной. Другие – моими близкими. Но есть и те, что написаны моими бывшими клиентами.

Я пригляделась к одной из картин, висевшей прямо напротив меня. Но тщетно я пыталась определить, была ли она написана самим Грегом или кем-то из алексов, приходивших сюда до меня. Я совсем ничего не смыслила во всех этих цветowych пятнах и мазках.

– И меня ты тоже заставишь рисовать?

Грег фыркнул:

– Ты сама захочешь. В противном случае клянусь и пальцем не пошевелить в этом направлении, – и он поднял обе руки, демонстрируя мне свои ладони. Жест показался мне одновременно смешным и нелепым, и, вероятно, поэтому сильно врезался в память. Почему-то его слова звучали для меня убедительно.

– А также, если не будешь против, я напишу твой портрет. Ты сможешь забрать его на память, если захочешь.

Я пожала плечами. Пусть рисует, мне всё равно. Зато я вспомнила, о чём ещё собиралась расспросить Грега:

– Расскажи мне про фотографии с портретами, которые стоят у тебя в спальне. Почему они не электронные, а распечатаны на бумаге? Что за люди на них изображены? Какие-то известные эмпаты? Или знаменитости прошлых веков?

– Не угадала, – хмыкнул Грег. – На тех фотографиях всего-навсего мои близкие. Ничем не выдающиеся для других, но важные для меня. Любимые люди, семья. Скорее всего, ты смотрела не совсем внимательно, но я тоже на этих фотографиях присутствую. А бумажные они только потому, что электронные изображения мне кажутся неживыми. Они не передают энергию. А бумага и краска – живой материал, способный передать содержимое значительно глубже и эмоциональнее. Это касается многих вещей: картин, книг, писем, дневников...

– Но зачем? – я оборвала Грега практически на полуслове.

– Что – зачем?

– Зачем ты держишь у себя в доме фотографии своих родственников? Ты не помнишь, как они выглядят и боишься, что не узнаешь при встрече? Или это особая религиозная традиция? Я читала о чём-то подобном в курсе истории цивилизаций.

И тут случилось непонятное. Грег начал как-то удушливо смеяться. Я видела, что он пробует сдерживаться, прикрывая рот ладонью, но в итоге не справился с собой и начал громко, во всё горло хохотать. Грега так корёжило от смеха, что он покраснелся и стал вытирать глаза тыльной стороной ладони, смахивая с них выступившие слёзы. Я огляделась вокруг, пытаюсь рассмотреть, что же он увидел, отчего пришёл в такое состояние. И только пару минут спустя поняла, что ему вообще не над чем смеяться, кроме как над моим последним вопросом. И, глядя на Грега, мне даже стало жаль, что я не понимаю, в чём комизм ситуации и не могу так же громко посмеяться вместе с ним.

Наконец, когда взрывы хохота стали угасать, сменившись каким-то подвыванием, Грег выдавил из себя:

– Прости....уы-ы-ы... прости, пожалуйста! Надеюсь, что не обидел тебя своим смехом... Но это и правда невыносимо смешно. Ты ведь задала этот вопрос со всей серьёзностью. Ф-ф-у-ух, – он тяжело выдохнул, будто после быстрого бега. – Нет, Мира, я не забываю, как выглядят мои близкие, и фото не имеют ничего общего с религиозными обрядами. Всё намного проще. Они приносят мне радость, когда я на них гляжу. Ведь многие, кто мне дорог, находятся далеко. А ещё – это способ вернуться мысленно в приятные моменты прошлого.

Видимо, моё лицо изображало полное недоумение, потому что после небольшой паузы Грег продолжил:

– Возможно, во всём этом и нет грандиозного смысла с твоей утилитарной точки зрения. Да, из подобных вещей нельзя извлечь какой-то очевидной пользы. Но именно мелочи наполняют нашу жизнь красками. Тонкие оттенки чувств создают тот особый, неповторимый вкус жизни – для каждого свой, уникальный.

– Оттенки? Я не ослышалась, ты говоришь, у чувств есть оттенки? Ваши эмоции имеют цвет?

Грег внимательно посмотрел на меня и покачал головой:

– Слишком много на сегодня. В следующий раз я расскажу тебе об этом подробнее, обещаю.

Через пятнадцать минут я опять направлялась домой на включённом автопилоте и в полудрёме прокручивала в памяти обрывки разговора с Грегом.

– «В следующий раз!» – бурчала я себе под нос. – Он сказал это так, будто решил, что я собираюсь встретиться с ним снова.

Глава 4

Конечно, предрекая «следующий раз», Грег оказался прав. В конце концов я вынуждена была признать, что ни на йоту не приблизилась к разгадке таинственного кода. А ведь дала себе обещание добыть его, и теперь не могла отступить от этого решения. Сдаваться на полпути было не в моих правилах. Порядок и последовательность – вот что приводит к успеху. Поэтому я решила продолжать сеансы столько, сколько понадобится.

Целую неделю я не могла вырваться на новую встречу с продавцом эмоций из-за загруженности текущими проектами. Я была востребованным специалистом, делала свою работу быстро и качественно. Мой рейтинг в базе к тому времени уже год держался в первой двадцатке самых крутых независимых IT-разработчиков Объединённого Евразийского Государства. Но я стремилась оказаться в ТОП-3. А для этого предстояло обойти таких акул IT-сферы, как Серадж Кападия, который придумал систему управления вертикальными теплицами в городах или Олег Самсонов – в прошлом биохакер, а ныне специализировавшийся на программном обеспечении для бионических частей тела и космической инженерии. Я же долго пребывала в поиске наиболее подходящей мне сферы и пробовала себя в самых разных направлениях, даже в дизайне виртуальной реальности. Но когда почти на каждом специализированном форуме стала заходить речь о необходимости разработки нейросетей для искусственного интеллекта принципиально нового поколения, я поняла, что именно в эту цель мне и нужно бить. За этим будущее и полный

апгрейд нынешней цивилизации. Внести собственный значимый вклад в эти разработки – вот настоящий шанс занять место в верхушке рейтинга, – полагала я. И у меня были все основания подозревать, что оборудование, которое используют продавцы эмоций для своих целей, является частью именно такой нейросети. Хоть оно и выглядит совершенно бесхитростно снаружи. В мозгу пульсировала одна и та же мысль: «Мне бы только понять принцип! Тогда я точно совершу долгожданную революцию в сфере высоких технологий».

Поэтому, как только на горизонте замаячил небольшой перерыв между заказами, я снова связалась с Грегом.

Каждая наша встреча начиналась с красной повязки, долгих блужданий по этажам и мокрого шершавого языка Рика. Уже в начале третьего сеанса я заметила кое-что новое: мне больше не приходилось делать над собой усилие, чтобы не отдёргивать руку, когда Грег обхватывал её своей уверенной большой ладонью. Кроме того, я даже решила попробовать поиграть с Риком так же, как в предыдущий раз делал Грег. Это был странный опыт, но нельзя сказать, что мне не понравилось. Грег, утверждал, что Рик счастлив и польщён моим вниманием, но мне показалось, будто у пса просто включилась какая-то кнопка безудержной активности. На том сеансе он не отходил от меня ни на шаг. Всё время пытался сунуть мне в руки мяч или какую-нибудь другую игрушку, ожидая, что я стану её бросать ради его дальнейшего развлечения. Однако меня быстро утомило это занятие, и Грег призвал пса к порядку.

Вопреки моим ожиданиям, Грег не стал включать «энцефалограф» и снова надевать на мои глаза повязку. Вместо этого усадил меня на диван в медиа-комнате, а сам уселся напротив на краю крышки стола. Лицо Грега было повернуто в профиль. Казалось, он думает о чём-то своём, не глядя на меня, и я обратила внимание, что сегодня он серьёзнее и сдержаннее, чем в прошлый раз. Отчего-то стало не по себе, и я подумала – вот, сейчас он скажет, что передумал проводить со мной сеансы и отправит домой. Но после небольшой паузы Грег начал говорить, смотря прямо перед собой.

– В прошлый раз, когда я упомянул оттенки чувств, ты спросила о цвете эмоций. Так вот, в каком-то смысле все чувства и эмоции действительно имеют цвет, и у каждого из них могут быть разные оттенки и различная степень насыщенности. Но цвет чувств нельзя увидеть обычным зрением. Он воспринимается на уровне внутренних, тонких ощущений. Чем лучше человек умеет отличать оттенки

эмоций, тем лучше он понимает самого себя и тем легче ему находить общий язык с окружающими людьми. Неспособность правильно определять цвета предметов называется дальтонизмом. А неспособность отличать оттенки чувств – эмоциональным дальтонизмом, – Грег вдруг повернул голову, пристально посмотрел мне в глаза и добавил: – Ну, или эмоциональной немотой, алекситимией.

Отчего-то я вздрогнула. Да, чёрт побери, он кинул огромный кирпич в мой огород, и на этот раз я хорошо поняла, чего он хочет. Заставить меня поверить, что ущербны не они – эмпаты, а мы – картонные бесчувственные алекситимики.

Я прекрасно знала, что эмпаты думают о нас. Ещё со времён учёбы в интернате нам усердно втолковывали, насколько сильно живущие за пределами внешнего кольца ненавидят коренных горожан. Я знаю, что ненависть – это плохое, крайне плохое чувство. Из-за него люди способны убивать друг друга, разрушать целые города и страны и совершать множество других нерациональных вещей. Но меня вовсе не волнует, что обо мне думают другие люди, а уж тем более – эмпаты. И в этом моё преимущество: я не трачу энергию и время на обдумывание таких вещей, мне попросту всё равно.

Но сейчас мне показалось, что Грег ждёт от меня какой-нибудь реакции или вопроса, поэтому, чтобы не молчать, я спросила:

– Ты научишь меня отличать эти оттенки?

– А ты этого хочешь?

А вот этот вопрос застиг меня врасплох. Настолько, что я машинально пожала плечами и чистосердечно ответила:

– Не знаю.

Судя по всему, моя непосредственность как-то по-особому действовала на Грега, потому что он впервые с момента моего прихода, наконец, улыбнулся и хлопнул себя ладонями по бёдрам:

– Значит, будем считать, что хочешь! В любом случае, без этого нам будет сложно двигаться дальше, – Грег снова на несколько секунд задумался, в упор глядя на меня, и наконец, продолжил: – Сегодня я расскажу тебе о базовых человеческих эмоциях, которые есть у всех – даже у многих алекситимиков. Их всего восемь, поэтому запомнить будет несложно. Но запоминать их ты будешь через собственное тело.

Я думала, Грег имеет в виду передачу эмоций посредством и программы и ждала, что теперь он принесёт своё оборудование. Однако мои предположения вновь оказались неверны. Грег встал со стола и жестом велел подняться и мне. Приблизившись вплотную, он положил левую ладонь мне на спину, в районе лопаток. Едва удерживаясь от желания сбежать, я услышала его тихий уверенный голос, который будто двигался вдоль всего моего тела, а за ним следовала его правая ладонь.

– Страх сжимает низ живота. Отвращение, наоборот, обхватывает его сверху, вызывая ощущение выворачивания и тошноты. Гнев распирает грудь, поднимаясь из таза, и создаёт чувство стремительно нарастающего расширения. Так, будто ты – воздушный шар, наполняющийся горячим воздухом. Обида сдавливает грудную клетку, мешает дышать. А нежность медленно разливается из груди по всему телу, вызывая приятное тепло и тягучее, сладкое расширение. Радость тоже расширяет грудь, но уже не разливается в ней спокойным озером, а заполняет грудную клетку с силой искристого водопада, стремящегося пробить скалу. Сексуальное возбуждение даёт чувство разливающегося тепла в области таза. Ну а стыд – болезненное жжение в районе диафрагмы.

Наконец, Грег убрал от меня обе ладони, и я шумно выдохнула. То ли с облегчением, то ли, наоборот, с сожалением – я и сама не понимала. Пока руки продавца чувств перемещались по моему телу, даже через прочную синтетическую ткань я ощущала их тепло, и мне казалось, что на какую-то долю секунды я испытываю по очереди все те эмоции и ощущения, которые он называл в тот момент. Но как только Грег перестал меня касаться, всё исчезло.

– Что это было? – я снова села, а точнее – упала на диван, потому как ноги перестали меня слушаться.

– Считай, мы только что изучили базовые цвета из палитры человеческих эмоций. Эти цвета, эти восемь базовых эмоций лежат в основе всех остальных. Другие эмоции, коих насчитывается несколько сотен являются оттенками и полутонами этих восьми. При этом каждая эмоция несёт свою окраску и переживается телесно.

– Несколько сотен эмоций? И ты говоришь, их все нужно уметь отличать друг от друга?! Но кому из людей в здравом уме это может быть нужно? – я говорила вызывающе, как будто надеялась убедить Грегa в бессмысленности его утверждений. – Тратить время на изучение и распознавание рефлекторных реакций? Ну, не знаю... Пусть этим занимаются учёные, которые проводят испытания на животных. Но к чему это другим людям? Почему вы, эмпаты, так цепляетесь за эмоции? Зачем вообще так усложнять ими свою жизнь?

Грег близко-близко наклонился к моему лицу и едва слышно произнёс:

– Ради самой жизни.

После этого он резко отстранился и вышел из комнаты.

Я ожидала пространных объяснений с ворохом научных терминов и обоснований, но этот простой, односложный ответ совсем обескуражил меня.

«Ради самой жизни», – он сказал это вполголоса, почти шёпотом, но слова звенели у меня в голове так, будто их прокричали в рупор над самым моим ухом.

И я вступала в мысленный спор с этим рупором: «Как так? Я же практически не испытываю эмоций, но всё равно живу».

– Я ведь и так живу! – произнесла я вслух, потому что в ту минуту Грег снова вошёл в комнату с небольшим прозрачным планшетом и связкой проводов в руках. – Двадцать четыре года я жила и прекрасно обходилась без самих эмоций и тем более без попыток их выявления у других людей.

Грег кивнул, надевая на своё запястье уже хорошо знакомый мне аппарат и что-то в нём настраивая.

– Безусловно, ты жила. Дышала, ела, училась, работала. Но каким было качество этой жизни? Я говорю сейчас не об уровне твоего дохода, престижности апартаментов и их близости к центру столицы. Чем было наполнено твоё существование? Я действительно хочу знать – что вообще мотивировало тебя жить?

Вопросы Грега вводили меня в недоумение. Разве вариантов много?

– Стремление достичь успеха, что же ещё? – мне это и впрямь казалось предельно понятным. Но Грег не унимался:

– Да? И зачем?

– Все должны стремиться к успеху, расти профессионально, становиться востребованными специалистами...

– Кому должны, Мира?

Я уже открыла рот, чтобы ответить, но так и застыла с глупым видом, не зная, что сказать.

Грег умудрялся задавать такие вопросы, на которые у меня, как оказалось, не было ответа. Но я не собиралась сдаваться. Мой мозг судорожно соображал, хаотично блуждая в лабиринте обрывочных мыслей и пытаюсь зацепиться хотя бы за одну из них.

– Не знаю, – наконец, признала я. – Никому конкретному. Просто должны.

– Нет, Мира. Так не бывает. Если мы что-то должны, то обязательно кому-нибудь определённом. Либо кому-то из внешнего мира, либо себе. Так задумайся, кому лично ты должна свою успешность и профессионализм? Я не требую от тебя сиюминутного ответа. Ты можешь вообще не делиться со мной своими соображениями по этому поводу. Главное – найди ответ для самой себя.

Много позже я обнаружила интересный эффект, который производило на меня общение с продавцом эмоций. Подобными вопросами, побуждающими к размышлению над непривычными для меня темами, Грег сеял в моём сознании

зёрна, которые терпеливо дожидались своего времени. А после начинали давать буйные всходы автономно от моей воли, независимо от шаблонов ума и установок, которые были привиты мне с детства. Так в глубине дикой пустыни возникали и постепенно ширились благодатные оазисы – островки обновлённого, возрождённого самоосознания.

Но в дни наших первых встреч я ощущала лишь дискомфорт от такой формы взаимодействия. Стремясь поскорее отвести фокус внимания от себя, я переводила разговор на самого Грега:

– А ты? Чем же таким необычным наполнена твоя жизнь, что ты считаешь эмоции и чувства её неотъемлемой частью?

Грег как будто только и ждал этого вопроса.

– Я расскажу тебе кое-что о своей жизни. Но в нашем случае слова, не подкреплённые личными ощущениями, ничего не стоят.

В его руках появилась уже знакомая повязка, которая одним своим видом гипнотизировала меня обещанием нового чувственного опыта.

Я приготовилась целиком превратиться в слух.

Грег привычным движением ловких рук закрепил на моей голове повязку и, приладив электроды к моим вискам, макушке и затылку, начал свой рассказ. Простой, искренний, незамысловатый. Но всё его повествование пронизывал мощный поток чувств и эмоций – таких разных, и в то же время так гармонично дополнявших друг друга и саму историю, что я невольно стала ощущать себя частью этого чуждого мне мира, этой незнакомой доселе жизни.

Но каким образом несколько электродов сумели заставить меня так глубоко проникнуться историей Грега, всё так же оставалось загадкой.

Он называл каждую эмоцию, которую испытывал – которую МЫ испытывали – во время его рассказа, и к концу сеанса я поняла, что уже умею отчётливо выделять среди этих эмоций те самые, базовые, о которых Грег так красочно поведал мне в начале встречи.

Страх, гнев и радость определялись ярче всех других. И я вынуждена была признать: они действительно находили отражение в определённых участках моего тела. Я ощущала это физически!

Грег вспоминал эпизоды из своего раннего детства, и благодаря чудо-программе и электрическим импульсам, бегущим по проводам, в этот момент я сама смотрела на мир глазами трёхлетнего ребёнка. Я удивлялась: неужели человек может помнить себя в таком возрасте? Мои собственные воспоминания начинались лет с пяти-шести, а Грег помнит себя совсем малышом! Вслед за удивлением я, забывая себя, погружалась в проживание кружевной нежности от крепких маминых объятий, ныряла в захлёстывающую радость от получения в подарок давно желанной игрушки – большого деревянного кораблика. Восторг и бесконечная благодарность: папа сделал его своими руками, специально, чтобы порадовать сына в день рождения. Но уже через минуту меня накрывал гнев оттого, что двоюродный брат сломал на любимом кораблике сразу две мачты. Сломал не случайно, а со злорадством, из зависти. Жгучая обида и злость, а на смену им – смешанное чувство страха и возбуждённости во время первой в жизни драки. Торжество и гордость – обидчик проучен, справедливость восторжествовала.

Я качалась на волнах воспоминаний Грега о семейных праздниках, об уютном бабушкином доме у речки, о первых уроках в школе домашнего типа, где учительница была похожа на маму, и у неё были такие же удивительно тёплые руки, пахнущие яблочным мылом. Простые радости наивного, простодушного детства типичного эмпата, ещё не столкнувшегося с большим миром.

Но однажды детство всё-таки заканчивается и у эмпатов. У всех по-разному. Но мне пришлось погрузиться в переживание безудержного горя девятилетнего мальчишки, потерявшего отца. Банальное кровоизлияние в мозг. Его можно было спасти. Но в местной лечебнице, пережившей незадолго до того пожар, не было оборудования, необходимого для проведения операции. А в городские клиники жителям трущоб путь закрыт.

Кроме Грега в семье, оставшейся без кормильца, было ещё два его младших брата и полугодовалая сестрёнка. Всех детей мать воспитывала сама, без помощи интернатов и не получая ни цента от Комитета социального развития ОЕГ.

– После смерти папы душевную боль утраты мне помог пережить страх потерять ещё и маму или кого-то из младших. Близкая родственная связь у большинства эмпатов сопровождается чувством глубокой любви и привязанности, боязнью потерять близкого, желанием сделать всё возможное ради его благополучия. Поэтому с тех пор в свободное от учёбы время я брался за любую посильную работу, желая помочь матери прокормить нас четверых, – Грег заканчивал рассказ, уже сняв с меня повязку и убирая оборудование.

У меня давило в груди и щипало в глазах. Тело реагировало странно, и я думала только об одном: если Грег сейчас начнёт задавать мне вопросы или просить моего мнения или комментариев по поводу всего услышанного, я просто молча уйду, чтобы не упасть в обморок от потери сил прямо здесь. В конце концов, дарккоины за сеанс он получил наперёд, и я вольна распоряжаться оплаченным временем на своё усмотрение.

Но невероятная чуткость моего продавца эмоций, видимо, никогда не подводила его: не сказав ни слова, он просто принёс мне стакан воды. А затем удивил новым предложением. Точнее, просьбой:

– Я собираюсь набросать твой портрет, если позволишь. Прямо сейчас. Это будет недолго. Потом ужин, – Грег подмигнул, а Рик при слове ужин поднял голову и издал звук, похожий на одобрительное урчание. Только сейчас я осознала, что пёс просидел у моих ног на протяжении всего сеанса.

Я не отказала Грегу в его просьбе. Хотя сама не испытывала ни малейшего интереса ко всему процессу и ни разу не попросила показать, что у него получается. Но я была рада этой своеобразной передышке и нашему обоюдному молчанию. Просто сидела, безучастно позируя и переваривая всё услышанное и «пережитое» за последний час. Странно, но в тот момент в голове не было никаких конкретных мыслей – скорее, невнятный шум. Однако не покидало ощущение, что эмоции, переданные мне Грегом через электроды, остались во мне и продолжают оседать где-то внутри. Не в голове, нет. Они пробирались в моё тело, блуждали в поисках пристанища, и, наконец, нахально обосновывались в облюбованном участке. Наблюдение за этими ощущениями так сильно захватило моё внимание, что я и не заметила, как Грег закончил набросок.

Во время ужина я отказалась от продолжения сеанса передачи эмоций.

– Кажется, мне хватит на сегодня впечатлений. Давай просто поедим?

Грег не стал возражать, и ужин мы провели в таком же молчании, а на мне не было ни повязки, ни электродов. Впоследствии, правда, я немного пожалела об этом, поскольку не запомнила, что именно мы ели. Также как не отследила, был ли приятен вкус еды. Просто машинально набивала рот, стараясь восстановить равновесие ума мыслями о незавершённых рабочих проектах.

* * *

В тот вечер я не стала включать автопилот по дороге домой, а села за панель управления глайдером сама.

Сработали компрессоры подачи воздуха. После короткого шипящего звука корпус глайдера приподнялся над поверхностью дорожного полотна и плавно устремился в сторону Центрополиса.

Огни ночного города сливались в бесконечные неоновые нити разных цветов.

Лавируя между другими глайдерами, я неслась по магистрали, пересекающей кольцо за кольцом, и мой взгляд то и дело выхватывал рекламные и мотивационные голограммы.

«Непрерывный карьерный рост – признак успешной личности».

«Правильно расставленные приоритеты – залог личного успеха».

«Успешное общество выбирает только лучших специалистов».

«К благополучию – через профессионализм!»

«Выгодный брачный контракт – фундамент будущего успеха и стабильности».

Две последние голограммы на моём пути рекламировали интернат, в котором я провела девять лет своей жизни. На первой рекламе находилось изображение воспитательницы в стандартной серебристой униформе, уводящей двоих маленьких деток в сторону здания интерната. Реклама содержала подпись:

«Ничто не должно отвлекать гражданина ОЕГ от профессионального развития».

На второй голограмме изображался круглый учебный зал, оснащённый большими интерактивными экранами. У каждого ребёнка – свой, отдельный.

Подпись на этой рекламе информировала:

«Пока родители добиваются успеха, воспитанники нашего интерната обеспечены всем необходимым».

Меня с головой накрыли воспоминания. Не помню, как оказалась дома, но всю ночь я не сомкнула глаз от назойливых мыслей.

Сначала я проводила сравнительный анализ между детством Грега и собственным. Я никогда не обнималась с родителями, ни разу не получала подарков ко дню рождения. Ни в интернате, ни в семье мы не отмечали никаких праздников – в нашем календаре были просто особые дни вроде даты создания Объединённого Евразийского Государства, окончания строительства города или начала нового календарного года. Мы фиксировали возраст новой цивилизации, но никто не организовывал по этому поводу никаких торжеств.

Я понятия не имею, есть ли у меня двоюродные братья и сёстры, да и как выглядит моя родная сестра, тоже не представляю. Хотя, тут можно особо и не гадать. Благодаря системе унификации все мы выглядим почти одинаково.

В интернате вместо учителей с тёплыми руками и ласковым взглядом у нас были электронные мониторы и строгие надзирательницы в бледных униформах, которые стояли за нашими спинами и следили, насколько сосредоточенно мы внимаем экранам. Отстающих по каким-либо предметам, а также тех, кто много вертелся или засыпал у монитора во время учебного процесса, наказывали лишением трапезы. Или не позволяли спать до тех пор, пока очередной кусок материала не будет усвоен и сдан соответствующий тест. Но объём информации был огромным, и проходить через подобные наказания случалось каждому, порой даже самому способному воспитаннику.

Наиболее отстающих детей, не справившихся с начальной программой обучения в интернате, родители чаще всего отказываются забирать под свою опеку. Низкие аттестационные баллы ребёнка по окончании интерната дают им официальное право не забирать его в семью, и дальше этот гражданин вместо обучения в колледже остаётся до четырнадцати лет в интернате, а затем направляется на самые низкооплачиваемые работы. Именно такие люди и живут во внешних, наиболее удалённых от центра города кольцах. И всё же, у них, в отличие от эмпатов, есть гражданские права. Им разрешено пользоваться общественным транспортом. И в городской клинике им не откажут в приёме. Конечно, если у них есть чем заплатить за медобслуживание.

Я попыталась вообразить, как бы отреагировала на известие о смерти своих отца или матери – и пришла к выводу, что этот факт вызвал бы во мне не больше переживаний, чем выход из строя городской рекламной голограммы.

Никаких крепких семейных связей и родственных чувств в обществе алекситимиков нет и быть не может. Я всегда воспринимала родителей как людей, мешающих моему уединению, постоянно выдвигающих какие-то условия или требования и присваивающих весь мой доход. В интернате я усердно училась, чтобы попасть в колледж, а в колледже старалась преуспеть ради возможности стать востребованным специалистом и обрести финансовую независимость. Единственным моим желанием сразу после знакомства с семьёй и переезда в родительский дом было поскорее покинуть этот самый дом навсегда.

Уверена, что не одна я радовалась наступлению знаменательной даты и отселению в отдельные апартаменты. Родителей моё присутствие в их доме тоже напрягало. И хотя никто не говорил об этом прямо, я видела по их поведению: им дискомфортно и чересчур хлопотно. Хорошо ещё, что им не

пришлось возиться со мной в младенчестве.

Кстати говоря, до потребности в централизованных интернатах наше общество додумалось не сразу. Долгое время оставалось загадкой, почему в среде алекситимиков процент смертности младенцев первых месяцев жизни значительно выше, чем у эмпатов. Изначально эти дети рождались здоровыми, да и проблем с условиями проживания и питания у них не было. Всё наоборот: лучшая мебель, усиленная гигиена, развивающие консоли, современные системы кондиционирования и очистки воздуха в детской... И всё-таки, умирал чуть ли не каждый третий младенец.

После ряда исследований причину нашли: оказывается, алексы гораздо спокойнее эмпатов реагируют на плач детей и берут их на руки значительно реже, чем требуется для полноценного развития младенца. И ни кресла-качалки, ни электронные массажные модули не решают эту проблему. Человеческому ребёнку в период раннего младенчества жизненно необходим постоянный телесный контакт, кожа к коже. И видеть настоящие человеческие лица не меньше двадцати минут в сутки. Мыслимо ли это – по несколько часов за день держать ребёнка на руках и по два десятка раз заходить к нему в комнату? Любой нормальный алекс согласится, что такую нагрузку невозможно вынести. Но без этого новорожденный не будет набирать в весе и развиваться интеллектуально.

В интернатах проблема решается просто: специально приставленные женщины – их называют няньками – обеспечивают младенцам регулярный физический контакт. Следуя специальному графику, они выполняют перечень определённых действий. Берут детей на руки, переворачивают их с бока на бок, проводят массажные и гимнастические процедуры, несколько раз в день качают на руках. Няньки работают посменно, и за неделю их может смениться пять – шесть штук.

Дети постарше передаются на попечение воспитателям. На моей памяти те тоже чередовались несколько раз в сутки и даже не пытались запомнить наших имён. Я тоже воспринимала воспитателей примерно как голограммы, которые окружали нас всюду. И даже не задумывалась над тем, что воспитатели – такие же живые люди как я. До определённого возраста мне это просто не приходило в голову.

Мысли о голограммах снова напомнили мне рекламу, которая мозолила глаза по пути к дому. Я и раньше видела каждое из этих изображений десятки раз. Так

почему же именно сегодня они так зацепили моё внимание?

Ответ был на поверхности.

Все они оперировали одними и теми же понятиями: успех, профессионализм, стабильность. И тем самым напоминали о вопросе Грега, который за несколько часов до этого загнал меня в тупик: «... кому ты должна свою успешность и профессионализм? Найди ответ для самой себя».

Глава 5

Я обнаруживаю себя сидящей в узкой комнате с тёмно-серыми стенами и крохотным окошком где-то под самым потолком. Оно освещает лишь небольшую полоску комнаты возле двери и кусок стены слева от неё. Посмотреть бы, что там – за этим окном, и какая погода на улице. Но в комнате – ни единого предмета мебели, на который можно забраться, поэтому я попросту не в состоянии дотянуться до окна. Едкий запах мочи мешает нормально дышать. Я подхожу к двери и пытаюсь толкнуть её, чтобы та открылась, но тщетно.

И тут появляется мысль, что меня оставили здесь навсегда. Чувствую, будто чья-то невидимая рука перехватывает меня поперёк живота и в нижней его части. Резко сбивается дыхание, и я начинаю кричать. Надрывно, истошно. Почему? Какая неведомая сила заставляет меня это делать? Я не знаю. Но не могу не кричать, ведь пока мой рот открыт, а из горла вырывается пронзительно громкий звук, невидимая рука и её давление почти не ощущаются, становится чуточку легче. Но стоит остановиться для передышки, как спазм возобновляется. Моим щекам горячо, я чувствую, что они совсем мокрые от слёз. Если бы эта дверь, подсвеченная слабым светом из окошка, сейчас открылась, я вмиг успокоилась бы – ведь мой живот престал бы сжиматься.

Но никто не приходит, чтобы забрать меня из этой комнаты или спросить, отчего я плачу. Никто не открывает дверь. Очень-очень долго. Так долго, что я теряю голос и силы от собственного крика, который изматывает меня саму.

* * *

Я проснулась с тяжёлой головой и абсолютно дезориентированная. Сколько я проспала? Какой сейчас день недели? Над чем я работала, когда уснула?

По мере того, как сознание прояснялось, я вспомнила, что предыдущей ночью ни над одним проектом так и не успела поработать: уснула, не раздеваясь, увлечённая обдумыванием последней встречи с Грегом. Наверное, оттого и сны были такие тяжёлые, муторные.

До сих пор аппарат, который использовал Грег, не обнаруживал никаких негативных воздействий на мой организм, если не считать лёгкого покраснения на коже в тех местах, где крепились электроды. Впрочем, и это покраснение исчезало в течение получаса после сеанса. Теперь же, судя по всему, начали появляться другие последствия всех этих экспериментов.

Я и раньше читала на форумах даркнета комментарии некоторых алексов о том, что сеансы могут вызывать различные побочные эффекты. Расстройство сна – один из них. Большинство не выдерживает этого периода и разрывают контракты с продавцами эмоций. Но сами продавцы утверждают, что для преодоления этого барьера как раз необходимо продолжать сеансы. Тогда впоследствии будет легче. Мол, это индивидуальная реакция мозга на поступление и обработку непривычной ему информации. Чаще всего самым заядлым покупателям начинают сниться события из раннего детства, какие-то обрывочные воспоминания... Но у большинства это происходит примерно после десятого сеанса. Меня же накрыло после третьего.

Я вздохнула. Да, мой организм слаб физически – так уж сложилось с детства, но никогда не думала, что и разум мой также ненадёжен. Наверное, какой-нибудь психотерапевт из прошлого века даже прописал бы мне курс лечения.

В конце концов я решила прекратить уделять так много времени мыслям о сне, каким бы он ни был реалистичным и интенсивным по ощущениям. Ведь это всего-навсего сон. А у меня висит четыре незавершённых проекта. К тому же дедлайн по одному из них истекает уже сегодня вечером.

На электронном браслете пропиликало сообщение от виртуального тренера с напоминанием о кардиозарядке, и я поплелась в тренировочно-процедурное крыло.

«Даже хорошо, – думала я, – беговая дорожка поможет мне справиться с утомительным сумбуром в голове».

Но и во время бега по виртуальной космической станции, бесконечно проплывающей перед моим взглядом на мониторе размером со всю стену, я не переставала возвращаться мыслями к ощущениям, пережитым во сне.

Я понимала, что если так пойдёт и дальше, мне будет чрезвычайно сложно. Но не собиралась сдаваться. Мне было очевидно, что и здесь всё дело – в программе и её индивидуальном воздействии на человека. Возможно, я просто более восприимчива к отдельным её компонентам. Понять бы, к каким!

В любом случае проблемы со сном я смогу решить быстро. Близится дата обязательного ежегодного медосмотра. Стоит мне нажать на интерактивном автомате, проводящем обследование, кнопку «трудности с засыпанием», и он выдаст электронный рецепт, по которому я смогу получать подходящий для меня снотворный препарат. Еженедельно, вплоть до следующего осмотра.

Обязательные медосмотры и дальнейшее лечение выявленных заболеваний финансируются государством, поэтому все стремятся закрыть как можно больше вопросов по здоровью именно во время этой процедуры. Ведь внеочередное обращение в клинику придётся оплачивать из своего электронного кошелька, а это дорого и не всем доступно. Живущим во внешнем городском кольце – точно нет, их зарплат едва хватает на питание, аренду транспорта и одежду.

Хорошо, что мои финансовые возможности не столь ограничены.

После тренировки и всех гигиенических процедур я активировала голографический монитор на компьютерной консоли, заказала доставку завтрака на дом и целиком погрузилась в работу.

Когда браслет уведомил меня о наступлении времени обеда, я, как обычно, не поверила и скользнула взглядом по крохотному циферблату на мониторе. Так и есть: я просидела безотрывно от рабочего места почти пять часов. Есть совсем не хотелось, и был велик соблазн проигнорировать напоминалку, чтобы не отвлекаться. Но я знала, что малейшие колебания веса могут снова привести меня к хроническому полубморочному состоянию, как это было несколько лет

назад, и пропуск приёма пищи может оказаться критичным. А в таком состоянии я не смогу нормально работать и мгновенно откачусь в рейтингах.

Ничего не поделаешь. Я покорно заказала полноценный обед – благо, можно его употреблять, не отрываясь от проекта. А ведь с клеверфудом жизнь была бы гораздо проще, и на работу оставалось ещё больше времени.

До конца вечера я успела закончить целых два проекта. Бинго. План даже перевыполнен, а я ещё полна сил. За едой к ужину я решила отправиться уже сама – мышцы требовали разминки, а лёгкие – свежего вечернего воздуха.

Я пошла пешком, но предварительно запрограммировала автопилот глайдера припарковаться у входа в кафе ровно через пятнадцать минут. Правда, в моём персональном графике присутствует рекомендация отводить на приём пищи не менее получаса, но я не могу тратить столько времени впустую. А вот с Грегом мы всегда ужинаем неторопливо и долго, словно это некий ритуал.

Воспоминания о Греге так внезапно ворвались в поток моих мыслей, что я зачем-то зажала себе рукой рот. Как будто таким образом можно было заставить замолчать внутреннего болтуна, назойливо твердившего «Грег, Грег, Грег» при любом удобном случае!

Ужинать я собиралась прямо в кафе самообслуживания – там за мной была закреплена собственная звуконепроницаемая кабинка, чтобы другие посетители не мешали уединению. А поскольку я никогда не расставалась со своей компьютерной консолью, то зачастую прямо в кафе и продолжала работать. Но в этот раз что-то пошло не так. Очутившись в кабинке с подносом, нагруженным едой, я зачем-то проследила взглядом, как тяжёлая дверь плотно закрывается, отделяя меня от внешнего мира. И тут я испытала то жуткое ощущение из последнего сна: будто невидимая рука сдавила низ живота. Сердце бешено заколотилось, я почувствовала дрожь и слабость в руках и коленях и едва не уронила поднос с тарелками. Наконец, я со звоном грохнула его на стол и принялась лупить по кнопке на панели управления, чтобы поскорее открыть дверь.

«Страх сжимает низ живота», – всплыли в памяти слова, произнесённые спокойным, почти гипнотизирующим голосом Грега.

Так вот, что это такое! Страх! Будучи маленькой девочкой, запертой в отдельной комнате с тёмными стенами, я плакала и кричала от страха, отголоски которого звучат во мне до сих пор.

Дверь, наконец, плавно отъехала в сторону, а я бессильно упала на узкий диванчик, стоявший у стола кабинки.

Воспоминание из далёкого детства поглотило меня целиком.

Сколько мне было? Лет пять или меньше. В тот день я немного задержалась по дороге на обед, и одна из девочек, с которыми мы питались в отдельном помещении интернатовской трапезной, съела не только свою, но и мою порцию. Когда я пришла, она как раз доедала остатки. Я стала плакать, что тоже хочу есть, но она не реагировала, делая вид, будто не слышит и не замечает меня. На шум пришла воспитатель. Когда я попыталась объяснить, что произошло, девочка, съевшая мой обед, стала всё отрицать. Сказала, что я сама всё съела, а теперь требую ещё. Воспитательница не стала разбираться – она просто поверила ей, а не мне. А так как я не прекращала плакать и просить еды, меня отволокли в «крыло уединения». Это был отдельный блок здания. В нём находилось много маленьких комнат с толстыми стенами и звуконепроницаемыми дверями. Туда отводили всех детей старше двух лет, которые в чём-то провинились, нарушили порядок или просто долго и беспричинно капризничали. Так воспитатели ограждали себя и других воспитанников от назойливого шума. Некоторые плакали и кричали в этой комнате до полного истощения и отключки. Одной из этих некоторых когда-то была и я.

Я совершенно не помню, как часто это происходило со мной и когда, наконец, такие сеансы вынужденного уединения прекратились. Но я ни разу не вспоминала об этом во взрослой жизни. Похоже, моя память заблокировала эти события, словно их и не было. Механизм защиты. Я усмехнулась, вспоминая, как впервые научилась создавать в интернатовском компьютере скрытые файлы, которые не могли найти и увидеть другие пользователи. Чтобы снова сделать файлы видимыми и посмотреть их содержимое, нужно было ввести определённую комбинацию символов – специфический ключ, который знала только я. Но ключ от скрытых файлов с собственными воспоминаниями был неизвестен даже мне. И что-то подсказывало, что я смогу приблизиться к его обретению только на встречах с Грегом.

После пережитого инсайта, ужин так и не полез в горло. Плюнув на попытку перекусить, я вышла из кафе и уселась в поджидавший меня глайдер. Захотелось немного отвлечься и просто покружить по городу неподалёку от своего кольца, поэтому я запрограммировала автопилот и откинулась на сидение.

Стройные стеклянные ряды жилых небоскрёбов и многоуровневых теплиц практически сплошной стеной возвышались с обеих сторон любой из городских магистралей. Простор и открытое пространство были лишь в самом центре городов либо за пределами внешних колец.

Огни, подсвечивающие небоскрёбы, сливались в единый слепящий фон – даже ночью на улицах наших полисов светло, как днём, чего совсем не скажешь о трущобах. Оба раза, когда я приезжала к Грегу, меня поражала почти непроглядная тьма на улицах. Были ли освещены подъезды внутри, я тогда не знала – повязка была слишком плотной.

Моё внимание снова зацепилось за голографическую рекламу. На сей раз это была пропаганда семейного сожительства:

«Успешный брачный контракт – залог процветания в будущем».

«Государственная финансовая поддержка новообразованным семьям. Усиленный соцпакет. Удвойте свои шансы достичь успеха!»

Два разных баннера, и в обоих – это слово. Успех. О необходимости стремиться к нему нам напоминали буквально на каждом шагу. Пожалуй, это понятие я слышала в своей жизни чаще каких-либо других. Ещё начиная с интерната. Оно впиталось в моё сознание, а может, и в кровь. Успех стал мерилom, определителем всей моей жизни. Но что он вообще такое?

Я подумала о том, что чем бы ни являлся успех, я вовсе не хочу направляться к нему вдвоём с кем-то и не нуждаюсь ни в каких брачных контрактах. Больше того: я, наконец, поняла, что просто-напросто боюсь их! Но почему? Ведь это абсолютно стандартная практика, к которой, согласно статистике, прибегает около сорока процентов взрослого населения ОЕГ, не считая эмпатов.

И, тем не менее, один из обязательных пунктов контракта заставлял меня внутренне холодеть лишь при мысли о нём: обязательство пары работать над зачатием ребёнка. В первые два года самостоятельно, а если зачатие не наступало – с помощью современных медицинских достижений по искусственному оплодотворению.

Я хорошо помню, как впервые узнала об этом условии.

Мне было двенадцать, когда один из преподавателей социального права в колледже, профессор Лобзовский, целую лекцию посвятил теме брачных договоров. В конце занятия он пристально обвёл лягушачьим взглядом зал с учащимися и заявил, что в течение последующих двух недель все девочки нашего потока должны по очереди являться к нему в кабинет для личной беседы. «С целью более качественного закрепления темы», – так он выразился.

Приказы преподавателей в колледже не обсуждались и не игнорировались: от воли этих людей напрямую зависела возможность продолжать обучение и получить сертификат профпригодности.

Примерно через неделю после лекции наступила моя очередь идти на личную беседу к господину Лобзовскому.

Собственно, сама беседа была короткой. Когда я вошла в кабинет, профессор, растянув свои по-женски мягкие розовые губы по всему лицу и обнажив мелкие жёлтые зубы, дал электронной системе голосовую команду заблокировать выход. Приблизившись ко мне и расстегнув крепления на своей одежде, Лобзовский объяснил, что в таком вопросе как брачный контракт, мало знать теорию. Задача колледжа – максимально эффективно подготовить учеников к их будущим профессиям с практической точки зрения.

– Ведь в браке между гражданами ОЕГ практика важна ничуть не меньше, чем в профессиональной деятельности, – продолжал он, подойдя вплотную ко мне и расстёгивая мою ученическую униформу. Я помню, как он провёл своими толстыми пальцами по внутренней стороне моего левого предплечья и крепко ухватил оба моих запястья огромными ладонями. А после этого, в течение следующих тридцати минут профессор более чем наглядно демонстрировал мне практическую сторону брака алекситимиков, абсолютно не интересуясь моей готовностью эту грань познавать.

При одном воспоминании о тех получасах в кабинете Лобзовского, к горлу подкатывает тошнота. Едкий и душный запах его пота с того дня преследовал меня на всех последующих занятиях, которые вёл Лобзовский. По этому же запаху я могла определить, что он недавно прошёл по коридору, и тогда мне неизменно хотелось вывернуть содержимое своего желудка прямо на идеально белый пол. Теперь, благодаря Грегу, я знаю, что это называется отвращением. Да, я испытывала отвращение к господину Лобзовскому, к тому, что он со мной сделал, к брачным контрактам и – если уж быть честной до конца – к самой себе.

Никто из учеников практически не общался между собой, и ни одна из моих сокурсниц ни словом не обмолвилась о «беседе» в кабинете Лобзовского. Так же, как и я. По правде сказать, у меня даже мысли не возникло, что я могу кому-то пожаловаться или попросить о помощи. Как не подумала и о том, чтобы предупредить тех девочек, которые ещё не успели побывать на «беседе». Нас не учили защищать самих себя, и проявлять заботу об окружающих мы тоже не умели. Возможно, это как-то взаимосвязано? Что если умение дать отпор, сказать «нет», да и вообще способность воспротивиться, когда кто-то предъявляет права на моё тело и волю, напрямую связано с готовностью защищать других людей? Быть может, именно так это работает у эмпатов? Я решила, что обязательно должна спросить об этом у Грега.

Тут я против воли улыбнулась. «Кому должна?» – спросил бы сейчас Грег. Да себе, чёрт возьми, я должна это самой себе! Мне просто необходимо разобраться.

О том, чтобы рассказать обо всём произошедшем в колледже своим родителям, я даже не помышляла. Но если бы мне и вздумалось это сделать, подозреваю, они не придали бы моему рассказу никакого значения.

На следующий день после случившегося я не смогла пойти в колледж: сильно ныл низ живота, и ощущалось жжение в промежности. Но мать, узнав об этом, лишь поморщилась, как от зубной боли. В таких ситуациях, когда ребёнок жалуется на какие-либо болезненные ощущения, закон обязывает родителей обращаться в клинику. Но внеочередное обращение влечёт за собой большие расходы и лишние хлопоты для родителей.

В клинике я прошла обследование на универсальном сканере, эдаком роботизированном терапевте. Обработав информацию, полученную с датчиков, а также озвученные мной жалобы, робот выдал электронный рецепт на

медикаменты и рекомендации по устранению физического дискомфорта. В комплекте выдавалось официальное освобождение от посещения колледжа на три дня. Вся информация с результатами обследования автоматически поступила на планшет матери, а освобождение – в администрацию колледжа. Ровно через неделю я обязана была вернуться на повторное обследование.

Ни до обследования, ни после него, мать ни разу не спросила, как я себя чувствую и по какой причине у меня возникли боли. Её беспокоило только одно: через неделю придётся вернуться в клинику и оплатить повторное сканирование. Ведь если этого не сделать, к родителям применят штраф.

Таким образом, родительский контроль над состоянием здоровья ребёнка был основан вовсе не на заботе о моём благополучии, а на нежелании быть оштрафованными за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей.

Я относилась к этому спокойно, поскольку и не предполагала, что может быть иначе. Ведь меня тоже не волновало здоровье матери или отца, я никогда не интересовалась их самочувствием или делами, которыми они заняты. Вероятно, поэтому-то воспоминания Грега о его детстве так озадачили меня. Бескорыстная забота эмпатов друг о друге не поддавалась моей логике.

Раз за разом, возвращаясь мыслями к последней встрече с Грегом, я снова и снова прокручивала в памяти эпизод, когда его горячая ладонь касалась моего тела, обозначая зоны локализации чувств. Удивительно, что даже без подключения мозга к загадочному прибору, я сумела испытать все те чувства и физические ощущения, которые перечислял Грег. И к тому моменту, когда он начал рассказывать о проявлении сексуального возбуждения, я уже ощущала горячую волну, разливающуюся от низа живота прямо к стопам – через бёдра, а потом с невероятной скоростью взлетающую обратно вверх, к самой груди. Кажется, даже лицо обдало жаром. Но робкая радость от этих ощущений быстро сменилась едким жжением в нижней части грудной клетки и желанием спрятаться от посторонних глаз. И, словно по заказу, я узнала от Грега определение и этому состоянию. Стыд.

Теперь, анализируя тот эпизод на холодную голову, я осознавала, что порядок перечисления эмоций и знакомства меня с ними был неслучайным. Такое впечатление, что Грег видел меня насквозь. Он читал меня, будто компьютерную программу с открытым исходным кодом, заранее предугадывая реакции моего тела на его слова и действия. Но как ему это удаётся? Возможно ли, что он

каким-то образом разузнал информацию обо мне? Что-нибудь о детстве, успеваемости в колледже, поводы, по которым я обращалась в клинику, мой карьерный путь... Но у эмпатов нет доступа к государственным базам данных с информацией о гражданах ОЕГ. Разве только, если он сам какой-нибудь хакер.

Однако поразмысли ещё немного, я поняла, что Грегу вовсе не нужно было выяснять мою подробную биографию. Ведь у всех современных алексов она практически ничем не отличается.

Увлечённая этими размышлениями, я и не заметила, как автопилот, следуя программе, прикатил меня прямёхонько к дому.

Я уснула, едва голова коснулась подушки. Однако ночь была не менее тяжёлой, чем предыдущая. На сей раз я сама разворошила груды воспоминаний.

Но мне снился не хряк Лобзовский с его толстыми пальцами-сосисками и пухлыми потными ладонями. Персонажем очередного сна стал совсем другой педагог – молоденький Нил Доран, преподаватель истории цивилизаций. Он пришёл в наш колледж, когда я училась на последнем курсе. Я уже знала, что буду зарабатывать программированием, да и тесты показывали мою предрасположенность к точным наукам. Однако история стала номером два в моём персональном рейтинге учебных предметов. Нил был одним из тех преподавателей, кто стремился максимум информации донести учащимся лично, почти не используя электронную аппаратуру, и всегда был готов в личном общении отвечать на вопросы.

Однажды я задержалась после занятия господина Дорана в учебной аудитории, чтобы дополнительно разобрать несколько непонятных вопросов. На моём мониторе было выведено изображение планеты в том виде, какой она была за пару десятилетий до окончания Великого смещения. Я никак не могла понять, что и куда перемещалось, а также каким образом происходило переселение некоторых народов. Тогда Нил сел рядом со мной, чтобы наглядно объяснить мне ход происходивших процессов. Он демонстрировал смещение магнитного полюса в сторону Сибири и замедление Гольфстрима. А я наблюдала за его длинными пальцами в стилусных перчатках, перемещавшими объекты на большом прозрачном экране, вслушивалась в глубокий низкий голос, вдыхала терпкий, присущий лишь ему аромат, и вдруг ощутила, что от его близости у

меня начинает кружиться голова. Перехватило дыхание, и я задышала часто-часто, стараясь при этом не смотреть Нилу в глаза, чтобы не выдать своё состояние. Но вопреки странному физическому дискомфорту, ощущения были как-то необычно... приятны. Мне хотелось, чтобы этот момент не заканчивался.

Неясное чувство странного томления с тех пор охватывало меня, стоило Нилу Дорану переступить порог учебной аудитории. Прошло несколько месяцев, прежде чем я сумела понять, какие биохимические процессы происходили в моём организме при встрече с Нилом, и тогда я решила, что если и позволю ещё хоть одному мужчине прикоснуться ко мне, им будет именно Нил Доран. С такими иллюзиями я жила примерно полгода, пока не хакнула базу данных с персональной информацией о сотрудниках колледжа. К слову, это была моя первая успешная попытка взлома, о которой к тому же никто не узнал. Но на этом радости и заканчивались. Из файла с делом Нила Дорана я узнала, что два года назад он заключил брачный контракт с некой Катериной Тейт, работающей нянькой в интернате. Конечно, я понимала, что брачный контракт между мной и Нилом невозможен в любом случае – мы не были ровесниками, а потому официальное заключение брака было недопустимым. В ОЕГ сексуальные отношения между людьми любого возраста разрешены, но только при условии, что оба партнёра не состоят в браке с другими лицами. В противном случае такие связи уголовно наказуемы. Видимо, преподаватель социального права – господин Лобзовский – однажды сильно впечатлился этим пунктом в Законе, если так ни разу и не вступил в брак за свои сорок восемь. Брачный контракт навсегда лишил бы его возможности «беседовать» с юными ученицами о практических аспектах некоторых пунктов Закона.

Итак, моим тайным помыслам о близости с Нилом Дораном суждено было остаться бесплодным ментальным монологом. Каким-то образом я пережила этот факт, но пообещала себе впредь не допускать подобных мыслей об этом мужчине.

Обещание, данное самой себе, я сдержала. По правде, это оказалось совсем несложно. С тех пор прошло десять лет, и вот теперь мне снятся сны, в которых Нил Доран одной ладонью поддерживает мою спину, а другой проводит по телу от груди к животу и ниже. При этом вкрадчивым голосом Грега он говорит, склонившись над самым моим ухом: «Сексуальное возбуждение разливает тепло в тазовой области. Ну а стыд закипает в районе диафрагмы».

Глава 6

– У меня есть для тебя подарок, – сообщил Грег, когда я вновь переступила порог его апартаментов и потрепала уши кинувшегося ко мне Рика.

– Подарок? – я застыла в недоумении. А Грег тем временем скрылся ненадолго в спальне, вынес оттуда что-то завернутое в хрустящую бумагу и протянул мне.

Подарком оказалась картина. Настоящая. Не цифровая, а написанная от руки и оформленная в тонкую рамку то ли из искусственного, то ли даже из натурального дерева. С холста на меня смотрела девушка, немного склонившая голову набок. Её портрет был изображён до плеч. Обычная себе девушка примерно моего возраста, похожая на десятки других жительниц Центрополиса и вообще любого города ОЕГ. Бледное, почти прозрачное узкое лицо с высоким лбом, большими серо-зелёными глазами, тонким, идеально прямым носом и маленьким, слегка заострённым подбородком. Одна часть лица девушки была погружена в тень, и к тому же её закрывали обесцвеченные волосы, отрезанные под каре. Другая же сторона была словно выхвачена лучом света из окружающей темноты. Она смотрела на меня, но одновременно как будто внутрь себя самой – мне никак не удавалось «поймать» её взгляд. И всё же в облике девушки было что-то удивительно знакомое.

– Погибшие материки, да это же я! Грег... это тот самый портрет, набросок которого ты сделал в прошлый раз?

Он кивнул, едва заметно улыбнувшись:

– Именно. Я подумал, тебе будет интересно сохранить его в память о наших эмоциональных сеансах. Что скажешь? Есть сходство?

Я пожала плечами, не зная, что ответить. В целом этот портрет мог бы изображать практически любую девушку-алекситимика европеоидной расы. Ничем особенным на общем фоне своих сверстниц я не выделялась. И тем не менее Грегу удалось передать некие тонкие, характерные для меня одной особенности внешности так, что, глядя на эту работу, можно было однозначно сказать: да, всё верно! Это я, Миранда Грин. Я, и никто другой.

– Сходство есть, – наконец выдавила я. – И даже удивительно, насколько близкое.

И тут какой-то неведомый внутренний порыв заставил меня открыть рот и задать этот идиотский вопрос:

– Ты часто рисуешь своих клиенток?

Брови Грега вместе с правым уголком губ поползли вверх.

– Не особо, – его голос стал сухим и отстранённым, как в первую нашу встречу. Он развернулся и направился в медиакомнату, кивком головы приглашая меня следовать за ним.

Я покорно побрела за Грегом, сжимая в руках свой первый в жизни подарок. Рик замыкал шествие.

«Я подумал, тебе будет интересно сохранить его в память о наших эмоциональных сеансах», – кажется, так сказал Грег, отдавая картину? И вдруг до меня дошло: да он же прощается!

Войдя в комнату, Грег знаком предложил мне сесть на диван, а сам отошёл к столу, который в этот раз оказался отодвинутым чуть дальше, к центру комнаты.

– Знаешь, я много думала над твоим вопросом, – я решила не откладывать интересующую меня тему.

– Да ну? – Грег даже не повернулся в мою сторону, настраивая оборудование для проведения сеанса.

– Ты не спросишь, о каком вопросе речь? – поинтересовалась я после минутной паузы.

Наконец, Грег поднял на меня глаза:

– Я хорошо помню всё, о чём мы разговаривали и все «задачи», которые тебе задавал. Поэтому догадываюсь. Что ж, делись своими выводами.

Я замялась, не зная, с чего начать.

– Не могу разобраться с несколькими моментами, которые кажутся мне ключевыми.

Грег развёл руками:

– Попробуй их озвучить.

– Хорошо, – я набрала побольше воздуха в лёгкие. – Так вот... Я размышляла о том, кому должна свою успешность и профессионализм, – начала я. – И понимаю, каким ДОЛЖЕН быть ответ. Мне действительно хотелось бы сказать, что всё это я должна в первую очередь самой себе. Но в голове сразу звучит твой голос, который спрашивает: «А зачем тебе нужен успех, если ты даже не в состоянии порадоваться его достижению?» И вот тут я оказываюсь в состоянии когнитивного диссонанса...

– И почему ты думаешь, что я могу помочь тебе преодолеть это состояние?

– Раз ты заставил меня биться над этой задачей, значит, тебе известно нечто-то такое, чего пока что не знаю я.

– А ты уверена, что хочешь узнать? Неужели не опасаясь, что в результате всего этого твоя картина мира рухнет, как взорванный Центрополис? Не факт, что ты с этим справишься, – в его глазах был вызов.

Я медлила. Но в словах и в поведении Грега было нечто, дававшее мне понять: либо я с доверием приму всё, что он может мне дать, либо эта встреча станет последней.

– Опасаюсь, – наконец выдохнула я. – Но, кажется, мой мир уже и так не станет прежним.

– Ещё не поздно остановиться, Мира, – Грег приблизился почти вплотную, дерзко нарушая мои личные пространственные границы. Его лицо стало слишком серьёзным, даже суровым в этот момент. – Ты сейчас на том этапе, когда тело, сознание и личность испытывают лишь первый лёгкий стресс от проживания

необычных ощущений. Но если прекратить всё это сегодня же, то уже через месяц напоминанием о сеансах для тебя станет только этот портрет, – он кивнул на картину, которую я всё ещё крепко прижимала к груди.

Я понимала, что означают его слова. Или я даю своё безоговорочное согласие полностью довериться Грегу на пути к глубинному погружению в мир эмоций, или уже сегодня мы прощаемся навсегда. Очевидно, что недостатка в клиентах у Грега нет, и время, которое сейчас оплачивала я, пустовать не будет. Конечно, я могу найти другого продавца, но тогда сценарий повторится. Ведь признаться ему, что у меня уже был опыт покупки эмоций и перескочить начальный этап я не смогу – со мной откажутся работать. От Грега я узнала, что продавцы строго соблюдают свой «профессиональный» кодекс работы с алексами.

Я колебалась, пытаюсь взвесить все за и против. Если решу продолжать, то ответственность за непредвиденные последствия для моего разума целиком останется на мне. Прыжок в неизвестность без страховки и гарантий. Но если выберу отступить, то так и не выясню принцип работы загадочной программы. Да и чтоб мне забыть все языки программирования, если я не признаюсь самой себе: теперь мне важно разобраться не только в программе.

– Я не хочу останавливаться, – наконец, произнесла я, с твёрдой уверенностью глядя Грегу в глаза. Если бы я только знала, как это решение перевернёт всю мою жизнь! Но я думала только о том, что же ответит продавец эмоций.

А он смотрел на меня так пристально, словно пытался взглядом просканировать мои истинные намерения. На какую-то секунду я решила, что Грег всё равно откажется продолжать сеансы и выставит меня за дверь. Однако он, наоборот, кивнул, признавая, что наши договорённости в силе, и вернулся к столу с оборудованием. В этот момент я ощутила настоящую радость – лёгкое, почти невесомое, но такое тёплое чувство, от которого почему-то захотелось обнять своего продавца эмоций. Но вместо этого я притянула к себе Рика и зарылась лицом в его длинную, чуть жестковатую шерсть. Пёс в ответ довольно заурчал и попробовал лизнуть моё лицо.

– Вообще-то, ты повела себя крайне нелогично, решившись на продолжение сеансов, – задумчиво проговорил Грег.

– В чём же, по-твоему, нелогичность?

Он отодвинул «энцефалограф» и какое-то время молча смотрел на меня, словно решаясь. Наконец, после короткого вздоха он ответил:

– Люди, которые испытывают дискомфорт, столкнувшись с конфликтом идей и жизненных установок, обычно всеми силами стараются снизить степень такого конфликта. Проще говоря, ты сама должна была избегать дальнейших встреч со мной ради собственного спокойствия. Человеку жизненно важно поддерживать согласованность знаний о мире, поэтому люди готовы оправдывать свои заблуждения. Все мы – и эмпаты, и алексы – идём на разные ухищрения, чтобы обмануть собственный ум. Но ты действуешь вопреки.

– Ты прав. Это делает меня в некотором смысле уязвимой, но я стремлюсь всегда оставаться честной сама с собой. Именно это стремление толкает меня идти до конца сейчас.

– Вынужден признать, такая позиция достойна восхищения. Она требует недюжинной смелости.

– Неужели эмоции действительно так страшны? – я пожала плечами.

– Нет. Страшно другое. Терять почву под ногами и наблюдать, как всё, во что ты верил, обращается в дым. Как белое становится чёрным, а ты перестаёшь верить сам себе.

Как странно: Грег опять с ювелирной точностью обозначил ощущения, которые одолевали меня во время размышления над снами и воспоминаниями о детстве. А ещё над рекламными слоганами, сопровождавшими жителя ОЕГ на каждом повороте.

– Когнитивный диссонанс у тебя возникает именно из-за того, что ты должна, а не хочешь, – помедлив, продолжил Грег. – У большинства алекситимиков нет собственных желаний, есть только обязанности.

– Почему ты думаешь, что мы сами не хотим того, что делаем и к чему стремимся?

– Способность человека желать автоматически активизируется, когда ему помогают чувствовать. Если желания основываются не на чувствах, а, например, на рациональных соображениях, – это уже не желания, а долженствования или необходимости. Желание – это больше, чем мысль или бесцельное воображение. Оно содержит аффект и компонент силы. Если аффект блокирован, человек не может испытывать собственные желания, и весь процесс волеизъявления сходит на нет.

– Но ведь склонность к аффектам опасна, – с уверенностью возразила я. – Именно состояние сильного аффекта часто становится причиной убийств и других преступлений в среде эмпатов. И это же одна из причин нашего отказа от эмоций.

– У всякой палки два конца, – Грег вздохнул. – Увы, отказываясь от какой-либо части своей природы, мы одновременно теряем другие. Но ведь аффект – это не всегда взрывной эмоциональный процесс негативного характера. По сути, это просто энергия, которая сама по себе нейтральна. Всё зависит от того, куда мы направим её силой своей мысли. Усилим воли, если хочешь. Ты знаешь, какой развитой была культура и наука в Древней Греции? Там существовала так называемая теория аффектов. Она утверждает, что искусство призвано возбуждать в человеке различные состояния души. Эмоциональные состояния. И люди специально обучались тому, как достичь аффекта с помощью разных изобразительных средств – музыки, театра, литературы. Ты ведь слышала о древних греках, правда?

Я кивнула. Действительно, я была неплохо осведомлена об этой культуре. Нил Доран отдавал Древней Греции и всему периоду античности особое предпочтение, ведь именно там впервые появилась формальная логика как научно обоснованный метод познания действительности. Но отношение древних греков к искусству мы затрагивали лишь вскользь: наша учебная программа вовсе не предполагала таких тем.

Подумав о Ниле, я мгновенно вспомнила свои сновидения и против воли нахмурилась. Это не укрылось от Грега.

– Что не так?

– Мне стали сниться сны. О прошлом. А ещё я восстановила в памяти один эпизод из своего раннего детства, хотя думала, что неспособна помнить себя в таком возрасте...

Грег посмотрел на меня как-то озадаченно и почесал нос.

– Это всё из-за твоего рассказа о детских годах, да? – спросила я. – Ты таким образом помог мне запустить собственный пересмотр?

Грег выглядел смущённым и как будто сбитым с толку:

– В целом да. Но... обычно возвращение памяти о раннем детстве наступает у клиента не раньше восьмого-десятого сеанса. Не многие доходят до этого этапа, а уж идти дальше тем более соглашаются лишь единицы.

– Ты мне не веришь?

– Не в том дело. Просто... пойми меня правильно. Я ещё не встречал такого, чтобы это наступило так быстро. Ты уверена, что подобные сны не снились тебе и раньше? И сами воспоминания, возможно, не так уж новы? А может, ты сконструировала какое-то из них самостоятельно? То есть, попросту создала в своём воображении... Так бывает иногда.

Я покачала головой:

– Некоторые события действительно и не забывались. Но один из эпизодов, пришедших во сне, касался того возраста, о котором я до сих пор не помнила абсолютно ничего. И тем не менее я твёрдо уверена: воспоминание реальное.

– Расскажи мне обо всём, что вспомнила, – попросил Грег. – Настолько подробно, насколько это возможно. Не опускай никаких деталей. Сможешь?

Я кивнула и начала обстоятельный рассказ. Подробно описала и маленькую комнату с толстыми стенами в интернате, и всё, что вспомнила о Якобе Лобзовском и Ниле Доране в колледже. Не упомянула только одно: что во сне Нил разговаривал со мной голосом Грега.

На протяжении всего этого повествования я сохраняла ровное и холодное состояние ума, не вовлекаясь в свою же историю. Меня даже удивило, насколько отстранённой я была во время пересказа воспоминаний, ещё пару дней назад поднявших во мне целую бурю. Кажется, Грег тоже почувствовал мою безучастность, поэтому рассказ его не удовлетворил.

И тогда он приблизился ко мне с повязкой в руке:

– А теперь я хочу не только голых фактов. Поведай о своём личном отношении к тому, что ты мне сейчас рассказала.

Наконец, и повязка, и все датчики были, как обычно, установлены на свои места. Однако в этот раз вместо того, чтобы слушать или просто пассивно получать чужие впечатления, я должна была говорить о своих. Но это оказалось слишком сложным заданием.

– Я не понимаю, что нужно говорить, Грег.

– Просто попробуй ответить на пару вопросов о тех событиях, которые удалось вспомнить. Как они повлияли на тебя? И почему ты вспомнила именно их? Какие ощущения в теле вызывают эти воспоминания?

Грег повторил перечень вопросов во второй раз и добавил:

– Не торопись. Если необходимо, перескажи всё заново, но уже через призму личного восприятия, а не так, будто репортаж из новостной хроники прошлого столетия пересказываешь.

– Постараюсь, – неуверенно начала я. В это время Рик запрыгнул на диван и положил голову мне на колени. Я запустила пальцы в его жёсткую шерсть, постаралась вернуться мыслями к первому сну, и внезапно слова полились из меня потоком.

– Мои воспоминания о раннем детстве пронизаны постоянным, непрекращающимся страхом и чувством... покинутости. Но тогда, будучи ребёнком, я этого не понимала. Просто ощущала, как сводит живот и становится тяжело дышать – не от боли или настоящего физического недомогания, а от

иллюзии, будто меня хватает и удерживает кто-то невидимый. Я не знаю, чего или кого именно я боялась. Не помню, чтобы в интернате мне причиняли физическую боль. Но в какой-то момент я, видимо, поняла, что никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя кричать и жаловаться – иначе снова окажусь в той ужасной комнате, – голос задрожал и стал каким-то чужим. – Наверное, тогда я боялась этого места, а ещё – неизвестности: никто не говорил, почему меня туда привели и когда заберут. Никто не интересовался, почему я кричу или плачу. С нами вообще толком не разговаривали в интернате. Нас не спрашивали, что мы чувствуем и думаем по тому или иному поводу. Педагогов интересовало лишь то, насколько хорошо и полно нами усвоен учебный материал. Но я никогда не чувствовала себя несчастной или обделённой! Я же видела, что так происходит абсолютно у всех моих сверстников, и все мы равны. То небольшое, чем можно выделиться в обществе – это уровень успеха, который удалось достичь в жизни, объём твоих знаний и навыков. Близость твоих апартаментов к центру города. Твоя востребованность в обществе как специалиста. Твой номер в рейтингах самых крутых спецов ОЕГ, в конце концов! Мы рождены для успеха – так нас учили. И я не искала никаких других целей в жизни.

– Хорошо. А дальше? – мягко произнёс Грег примерно через минуту после того, как я замолчала. Что ты чувствуешь сегодня, вспоминая об эпизоде в кабинете Лобзовского? Попытайся описать свои ощущения именно здесь и сейчас.

Я не помню, что хотела ответить Грегу в этот момент. Внезапно у меня зашумело в ушах и перехватило дыхание, а челюсть машинально сжалась.

– Мира? – Грег настаивал на том, чтобы я говорила, но я лишь замотала головой. Он сел на диван рядом со мной.

– Твоё тело прекрасно научилось блокировать любое внешнее проявление чувств, Мира. Но от эмпата их не скрыть. Я замечаю всё: и то, как сильно ты вцепилась в шерсть Рика, и то, как напряглись желваки на твоих скулах, и то как плотно сжаты зубы... И даже то, каким поверхностным стало твоё дыхание. Ты понимаешь, откуда берутся такие реакции у твоего тела? Если в детстве человек не получал сочувствия, и рядом не оказалось взрослого, который разделит бы его состояние, объяснив происходящее, дав свою защиту и утешение, – такой ребенок выучивается блокировать в себе те чувства, пережить которые не в силах. Именно так возникает «замораживание» – полное отсутствие реакции в травматических ситуациях. Алексы ошибочно считают это преимуществом. Но фактически это глубокая душевная травма, накладывающая отпечаток на тело...

да и вообще на всю жизнь человека.

Голос Грега втекал в меня горькой и жгучей субстанцией, от которой пекло в глазах.

– Я не хочу вспоминать своё прошлое. Из-за него тянет плакать.

– Горе и боль естественно выражать слезами. Ты установила себе запрет на слёзы ещё в раннем детстве и хорошо научилась ему следовать. Ведь это так легко, правда, Мира? Всего лишь покрепче стиснуть зубы, напрячь мышцы вокруг глаз, и дышать как можно менее глубоко. Чем более поверхностное дыхание – тем слабее доступ к любым чувствам вообще. Именно так твоя психика переживает столкновение с мучительными или недозволёнными эмоциями. Но оставшись неназванными и неузнанными, они консервируются в твоём теле, вызывая зажимы и блоки в мышцах. Непережитые чувства остаются внутри нас навсегда, понимаешь меня?

– Не совсем, – я, наконец, взяла себя в руки. – Слёзы естественны для вас, эмпатов, но не для меня. Достаточно. Я больше не хочу говорить о том, что происходило в колледже. Я поняла, что долгие годы испытывала отвращение и к Лобзовскому, и к самой себе. Но это в прошлом. Теперь мне всё равно.

– Пусть так, – вздохнул Грег сдаваясь. – Просто послушай меня: разреши себе плакать, если ещё одно болезненное воспоминание прорвётся наружу.

– Грег, а разве слёзы – это не примитивный рефлекс, простительный только младенцам и совсем маленьким девочкам, не умеющим управлять собой?

– Если человек никогда не плачет, это не свидетельство его силы. Лишь чёрствости. Слёзы дают освобождение. К тому же они не всегда бывают вызваны горестными чувствами. У эмпатов есть такое выражение: «радость льётся через край». Так вот, порой мы плачем и от переполняющего нас счастья. А ещё бывают слёзы благодарности. Пожалуй, это и есть те пиковые точки, когда тебя с головой накрывает ощущение наивысшей полноты жизни.

Я понимала, что Грег говорит красиво и возвышенно, и, вероятно, в другом таком же как он эмпате его речи всколыхнули бы целое море чувств и ассоциаций...Но для меня все эти слова и понятия были пустым звуком.

– А как давно ты сам плакал, Грег? Расскажи мне о самом последнем случае. Я хочу почувствовать то, о чём ты говоришь.

Он ответил не сразу. Сидя с повязкой на глазах, я не видела его лица. Что он делает? Вспоминает? Думает, как ответить? А может, вообще не расслышал моего вопроса? Но в тот самый момент, когда я собиралась задать его повторно, Грег, наконец, заговорил, и в его голосе я услышала надлом:

– Я расскажу, раз ты просишь. Но это будет нелегко нам обоим.

– Я готова.

Грег ещё немного помедлил и после короткого, отрывистого вздоха начал свой рассказ.

– Шесть лет назад умер мой новорожденный сын... А ещё через четыре месяца после этого я потерял и жену, не дожившую и до твоего возраста. С тех пор я оплакиваю их обоих как минимум два раза в год. Но скорблю о них ежедневно, принимая и позволяя себе это чувство.

Он говорил медленно, с большими паузами, периодически надолго умолкая.

– Продолжай, – попросила я. – Как это произошло?

Мне было невдомёк, как тяжелы для Грега воспоминания об утраченной семье. Я хотела использовать его эмоциональное состояние, чтобы самой попробовать эти чувства на вкус. Я не мечтала познать всю их глубину, стать тем, кто их проживает. Мне было достаточно хотя бы в роли туриста заглянуть в окошко этого старинного загадочного замка с огромным количеством башен и горниц. Пусть мне и не стать хозяйкой этих владений, но даже возможность прикоснуться к раритетным постройкам казалась своеобразной ценностью.

– Мы с Даниэлой – так звали мою жену – росли вместе. Наши родители дружили ещё задолго до нашего рождения и всю жизнь поддерживали крепкие отношения. Дэн была на семь лет младше, и когда она родилась, я возился с ней, будто с живой куклой. Ни на шаг не отходил. Её мать, которой необходимо было заниматься хозяйством, благосклонно доверяла мне малышку, ведь у меня уже был опыт ухода за младенцами. Я был старшим братом двоих маленьких хулиганов, и управиться с девчонкой мне не составляло труда. Малышка Дэн узнавала меня уже с трёх недель жизни, тянула ко мне свои крохотные ручки и улыбалась беззубым ртом. Именно я научил её ползать, а затем и ходить. Я первым заметил, когда у неё прорезался зуб. И хотя её первыми словами были «дай» и «мама», но третьим всё же стало моё имя. Уверен, я любил её уже тогда. Отнюдь не как сестру. Ясно осознаю это, ведь когда мама родила Майю, я тоже полюбил её с самого первого дня. Но если любовь к Майе я отчётливо определял, как крепкое родственное чувство, то любовь к Дэнни была чем-то иным. Я никак не объяснял себе чувства к малышке Даниэле, да мне это было и не нужно. В том не было ни грамма порока – я просто чувствовал необходимость постоянно быть с ней рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

От англ. clever food – умная еда.

2

Омар Хайям, Рубаи.

Купити: https://tellnovel.com/volshebnyaya_yuliya/emocii-v-roznicu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)